

Сергей Зиновьевич Слущ

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334,
Ленинский проспект, 32А. E-mail: sergejslutsch@gmail.com

Некоторые аспекты советско-германских экономических отношений и миссия Д. В. Канделаки (1935–1937 гг.): к вопросу о соотношении политики и экономики

В середине 1930-х годов Сталин решил активизировать торгово-экономические отношения с Германией с целью получения долгосрочных кредитов для финансирования преимущественно поставок продукции военного и двойного назначения. В то же время нацистский режим, несмотря на антисоветский внешнеполитический курс, был заинтересован в налаживании устойчивых экономических связей с Москвой, поскольку испытывал возрастающую зависимость германской экономики от поставок стратегического сырья из СССР. Сочетание этих факторов предопределило решение Кремля о наделении торгпреда в Германии Д. В. Канделаки особой миссией, которая не исчерпывалась только решением экономических задач, но включала и создание атмосферы доверительности, столь необходимой в ходе переговоров о поставках деликатной продукции военного назначения. При этом долгосрочные кредиты явились бы весомой гарантией устойчивости таких отношений. По замыслу Сталина, все это должно было стать подготовительным этапом для ведения политических переговоров с руководством Германии. Активно способствуя реализации предоставленного СССР в 1935 г. пятилетнего кредита, Канделаки добился серьезных уступок с германской стороны, включая согласие на поставку некоторых видов военной продукции, запрещенных ранее к вывозу в СССР. Однако все попытки торгпреда обеспечить решение политической задачи, обусловив дальнейшее расширение экономических отношений согласием Берлина на переговоры о политическом урегулировании, ни к чему не привели. Причиной тому были поставленные Сталиным нереальные задачи, игнорировавшие «фактор Гитлера» и его политико-идеологические установки, определявшие характер германо-советских отношений.

Ключевые слова: СССР, Германия, Сталин, Гитлер, М. М. Литвинов, Д. В. Канделаки, Я. Шахт, политика, экономика, антагонистические цели, симбиоз интересов

Статья поступила в редакцию: 19 января 2024 г.

Статья принята к публикации: 25 марта 2024 г.

Цитирование: Случ С.З. Некоторые аспекты советско-германских экономических отношений и миссия Д. В. Канделаки (1935–1937 гг.): к вопросу о соотношении политики и экономики // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 215–264. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.7>.

1933 год стал переломным в развитии германо-советских отношений, что объяснялось исключительно внутривнутриполитическими переменами в Германии. В том же году Гитлер на заседании правительства 26 сентября сформулировал действовавший затем многие годы принцип, положенный им в основу отношений с СССР: «не разрывать с нашей стороны германо-русские отношения» и не давать «русским повода для такого разрыва»¹.

На этом фоне, несмотря на продолжавшееся в целом ухудшение германо-советских отношений, экономические связи продолжали играть все возрастающую роль в усилении военно-экономического потенциала обоих государств. На протяжении многих десятилетий изучение этой стороны советско-германских отношений, привлекая внимание историков западных стран², основывалось исключительно на германских архивах. В настоящее время есть возможность существенно дополнить созданную ими картину, используя документы и из российских архивов. Поле исследования становится многогранным, позволяя изучать на основе документов обеих сторон как торгово-экономические аспекты этих отношений, так и их военно-экономические и политико-идеологические составляющие, в том числе решения, принятые на высшем уровне.

Заинтересованность в поддержании советско-германских торгово-экономических отношений сохранялась не только в экспортно ориентированных отраслях германской промышленности и банковском секторе, но и в военных кругах. Причины подобного положения достаточно очевидны. Во-первых, это потребность в сырье, особенно в стратегически важном (нефть и нефтепродукты, железная и марганцевая руда) и сельскохозяйственной продукции, преимущественно в технических и кормовых культурах. Во-вторых, СССР

¹ ADAP. Ser. C. Bd. I–VI. Göttingen, 1971–1981. Bd. I, 2. Dok. 457. S. 840.

² См., например: McMurry 1979; Müller 1984; Perrey 1985; Schwendemann 1993; Ericson 1999.

был едва ли не единственной страной, где стратегическое сырье можно было закупать не за валюту, дефицит которой Германия постоянно испытывала, а за рейхсмарки. В-третьих, крупные советские заказы германским фирмам обеспечивали их стабильную долгосрочную загруженность и способствовали снижению уровня безработицы, смягчая социальную напряженность. И, наконец, по мере увеличения численности вооруженных сил и наращивания военного производства потребность в бесперебойном получении стратегического сырья из СССР неизбежно возрастала, что неоднократно констатировали военно-экономические инстанции третьего рейха.

Не менее весомые причины мотивировали и советское руководство к сохранению и расширению экономических связей с Германией. Среди них: возможность торговать на безвалютной основе; приобретать на хорошо освоенном рынке высококачественную и высокотехнологичную продукцию по приемлемым ценам; размещать крупные промышленные заказы, в том числе на продукцию военного назначения; и, самое главное, получать на выгодных условиях для их финансирования большие долгосрочные кредиты, чего не удавалось достичь в торговле ни с одним из государств.

В такой обстановке Сталин в конце 1934 г. выдвинул кандидатуру Давида Владимирович Канделаки (1895–1938) на пост нового торгпреда в Германии³, наделив его особыми полномочиями, включая возможность личного обращения к диктатору, не говоря уже о конфиденциальном информировании последнего о положении дел. Все это выводило работу торгпреда за рамки рутинной внешне-торговой деятельности, превращая ее в своего рода особую миссию Канделаки. Что дает основание для подобной оценки этого назначения, принимая во внимание, что историки до сих пор не располагают всем объемом документов, связанных с пребыванием Канделаки

³ После назначения Израила Яковлевича Вейцера (1889–1938) в конце июля 1934 г. наркомом внутренней торговли СССР, пост торгпреда в Германии оставался вакантным, о чем Лазарь Моисеевич Каганович (1893–1991) напоминал 18 августа отдыхавшему в Сочи Сталину, предлагая назначить на это место торгпреда в Англии Александра Владимировича Озерского (1891–1938) (Сталин и Каганович: Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2001. Док. 473. С. 442). Однако это предложение не получило одобрения, и только спустя более месяца после возвращения Сталина в Москву, 5 декабря, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о кандидатуре нового торгпреда в Германии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 955. Л. 20).

в Германии⁴? Во-первых, поставленные перед миссией Канделаки задачи, ориентированные на установление таких экономических связей с Германией, которые должны были зиждиться на обоюдной заинтересованности в обмене стратегически важного сырья на продукцию военного и двойного назначения. Продвижение в этом направлении, как, вероятно, полагал Сталин, должно было, уже в силу конфиденциального характера такого рода экономических связей и не менее конфиденциальных личных контактов⁵ в ходе их установления, создать почву для достижения сближения в политической сфере. Во-вторых, опека деятельности Канделаки на разных направлениях осуществлялась, независимо друг от друга, со стороны сразу двух наркоматов — НКВТ и НКИД. И, в-третьих, что, несомненно, являлось определяющим, куратором торгпреда был сам Сталин, которого Канделаки регулярно информировал как о ходе официальных переговоров, так и неофициальных бесед с немцами, не говоря уже о беспрецедентном для чиновника его ранга числе личных встреч в Кремле — 17 раз в течение двух с небольшим лет⁶. Насколько правомерны эти предварительные выводы, основывающиеся как на документах, так и на некоторых умозаклучениях, покажет дальнейший анализ.

⁴ Интерес к деятельности Канделаки в Берлине возрос после публикации Льва Александровича Безыменского (1920–2007) (*Besymenski* 1992), основанной на документах, выявленных в Архиве внешней политики и представленных в виде очерка сотрудником Историко-документального департамента МИД Николаем Александровичем Абрамовым с предисловием и послесловием Безыменского (*Особая миссия Давида Канделаки* / публ. Н.А. Абрамова, Л.А. Безыменского // *Вопросы истории*. 1991. № 4/5. С. 144–156). См. также: Roberts 1994; Наринский 2003, и некоторые другие, затрагивающие эту тему в рамках общих работ, посвященных внешней политики СССР и советско-германским отношениям.

⁵ О том, какое значение придавали в Москве, в частности, этой стороне миссии Канделаки, наглядно свидетельствует и то, что спустя всего полтора месяца после его прибытия в Берлин нарком внешней торговли Аркадий Павлович Розенгольц (1889–1938) направил предложение заместителю председателя СНК СССР Яну Эрнестовичу Рудзутаку (1887–1938) увеличить оклад торгпреда до 430\$ в месяц, основывая это тем, что «на тов. КАНДЕЛАКИ, торгового представителя СССР в Германии, возложено расширение связей с немецкими торговыми и правительственными кругами, что связано с увеличением его личных расходов» (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 2497. Л. 97).

⁶ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / научн. ред. А. А. Чернобаев. М., 2008. С. 627.

Прелюдия миссии Канделаки: соглашение 1935 г.

В середине января 1935 г. Канделаки прибыл не с пустыми руками⁷ в Берлин, где с весны 1934 г. шли переговоры об условиях предоставления СССР 200-миллионного кредита⁸. Начав встречаться с представителями МИД и Рейхсминистерства экономики, он дал понять уже в ходе протокольных визитов, что готов способствовать восстановлению более тесных торговых отношений между двумя странами, выразив надежду на скорое успешное завершение переговоров⁹. Эти встречи, связанные с подготовкой и заключением ежегодного соглашения о товарообороте и платежах, осложнялись как стремлением советской стороны добиваться погашения своих прежних финансовых обязательств поставками сырья и продовольствия (не вся их номенклатура и объемы в равной мере представляли интерес для немцев¹⁰), так и желанием, в свою очередь, германской стороны получать значительную часть платежей золотом или валютой¹¹. Другим не менее важным предметом переговоров являлся вопрос о новом германском кредите и условиях его предоставления и реализации. Добиваясь получения 200-миллионного кредита, Москва через Канделаки стремилась обеспечить не только наиболее благоприятные условия его погашения, но прежде всего гарантии германской стороны относительно выполнения высокотехнологичных заказов, значительная часть которых приходилась на продукцию военного назначения. Причем советские переговорщики настаивали на безусловном одобрении Берлином в первую очередь именно этой части своих заказов как на обязательном условии заключения соглашения о кредите¹².

⁷ 28 декабря 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило номенклатуру оборудования, подлежащего заказу в Германии в рамках предполагаемого кредитного соглашения (СССР – Германия 1933–1941. М., 2009. Док. 51. С. 101–107). Этот перечень был передан Торгпредством германской стороне, и представители разных ведомств приступили к его экспертной оценке.

⁸ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Dokumente aus russischen und deutschen Archiven / hrsg. von S. Slutsch, C. Tischler. München, 2014. Bd. 1. S. 36. Anm. 118.

⁹ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941 / hrsg. von S. Slutsch, C. Tischler. Berlin; Boston, 2019. Bd. 2. Dok. 10. S. 182–183.

¹⁰ Ibid. Bd. 2. Dok. 61. S. 295.

¹¹ Ibid. Bd. 2. Dok. 51. S. 273–274.

¹² Ibid. Dok. 29. S. 235.

Процесс согласования общей германской позиции относительно номенклатуры советских заказов в инстанциях был весьма непростым. У некоторых экспертов возникли сомнения относительно необходимости идти навстречу СССР, стремившемуся, по их заключению, с помощью *I. G. Farbenindustrie AG* создать химические фабрики, в частности, по производству анилина, были сомнения и в отношении заказов оптической продукции фирмы *Zeiss*¹³. В Берлине высказывались возражения и более общего характера. Так, в экспертном заключении Русского комитета германской промышленности от 17 января 1935 г. акцентировалось внимание на следующем:

Германская промышленность не заинтересована в том, чтобы поставлять русским ту продукцию, оборудование или готовые технологии, которые будут способствовать полной индустриальной самостоятельности СССР, вызовут застой важных отраслей нашей промышленности и тем самым увеличение нашей безработицы¹⁴.

В ходе межведомственных совещаний, где, между прочим, выявились разногласия между МИД и Рейхсминистерством экономики о пределах уступок советской стороне¹⁵, было согласовано, в частности, сокращение предложенной номенклатуры советских заказов на 10–20%¹⁶. Несмотря на немалые трудности, возникавшие в ходе переговоров о заключении 200-миллионного кредита, они были преодолены, и 9 апреля 1935 г. было подписано соглашение, регулировавшее весь комплекс торгово-экономических и финансовых вопросов, связанных с предоставленным СССР на пятилетний срок кредитом¹⁷.

Советская сторона была вполне удовлетворена достигнутым соглашением, прежде всего условиями реализации кредита, а также

¹³ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 10. S. 183; Dok. 27. S. 229.

¹⁴ Ibid. Dok. 9. S. 181. Советские дипломаты, получая из разных источников информацию о подобных суждениях, пришли к выводу, что, по-видимому, у немцев есть «серьезные колебания по вопросу о допустимости для Германии участвовать столь тесно и столь интимно в создании военной промышленности Сов[етского] Союза» (Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 18. S. 206).

¹⁵ Ibid. Dok. 32. S. 242.

¹⁶ Ibid. Dok. 35. S. 247.

¹⁷ ADAP. Ser. C. Bd. IV.1. Dok. 21. S. 30–37; ДВП СССР. Т. XVIII–XX. М., 1973–1976. Т. XVIII. Док. 172. С. 271–274.

согласием Рейхсминистерства экономики «оказывать содействие Торгпредству при размещении и осуществлении заказов», немалая часть которых имела «специальный характер», будучи продукцией военного назначения¹⁸. В не меньшей степени были довольны соглашением и в Берлине: оно обеспечивало германской промышленности большой долгосрочный объем заказов и, что особенно важно — получение значительных объемов сырья, в том числе стратегического значения¹⁹.

Таким образом, очевидно, что советское руководство, делая упор на экономических отношениях с третьим рейхом, стремилось, как уже упоминалось, получать, прежде всего, продукцию и оборудование военного и двойного назначения, которая должна была служить повышению уровня обороноспособности СССР и в первую очередь подготовке к неизбежному столкновению с Германией. При этом речь шла о самых современных образцах тяжелых вооружений, и в особенности об их электронно-оптическом оснащении. Руководство Германии, порой в условиях жесткого межведомственного противостояния, было вынуждено идти на уступки СССР, то есть фактически способствовало усилению его военно-экономической мощи, будучи очень заинтересовано в советском сырье для наращивания вооружений²⁰, осуществления экспансии, а в недалеком будущем — для войны с Советским Союзом. Налицо такой вот своеобразный, хотя и кратковременный, симбиоз ярко выраженных основополагающих антагонистических целей и интересов.

При этом и в одной, и в другой стране были сторонники и оппоненты этой политики. Хотя подписанное экономическое соглашение и позволило сторонам найти компромиссные решения по многим вопросам, однако его реализация, особенно касающаяся номенклатуры

¹⁸ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 133. S. 460.

¹⁹ ADAP. Ser. C. Bd. IV, 1. Dok. 20. S. 29–30.

²⁰ В начале марта 1935 г. «Правда» поместила статью доктора экономических наук Елизаветы Леонидовны Хмельницкой (1902–1969) «Германский фашизм готовит хозяйство к войне», в которой, в частности, были подняты отнюдь не риторические вопросы: «Как сочетать форсирование экспорта с выполнением все растущих военных заказов? Как развешивать экспортные производства при недостатке необходимого для этого сырья? Где изыскать ресурсы для восстановления утерянных позиций на мировом рынке и одновременного удовлетворения ненасытных запросов вооружений?» (Правда. 1935. 3 VI: 2). Некоторые ответы на эти вопросы дало заключенное 9 апреля 1935 г. советско-германское экономическое соглашение.

советских военных заказов, наталкивалась зачастую на серьезные трудности. Как сообщал Канделаки Сталину 3 сентября 1935 г., Берлин ввел новые правила, согласно которым требовалось «почти каждый серьезный заказ выдавать после переговоров не только с фирмами, но и с немецкими правительственными органами, поскольку немцы установили над своим экспортом, в особенности по интересующим нас объектам, жестокий контроль с военной точки зрения»²¹. По мнению руководителя Экономического отдела МИД Карла Риттера (1883–1968), «в Германии есть ряд вещей, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть проданы в СССР, так как они в военном или техническом отношении представляют исключительную ценность и являются как бы монополией Германии». В качестве примера он сослался на стремление СССР приобрести технологию изготовления аккумуляторных батарей для ВМФ: «Извините, — подчеркнул Риттер в беседе с советником Полпредства СССР в Германии Сергеем Алексеевичем Бессоновым (1892–1941), — продавать секрет производства батарей для подводных лодок стране, подводные лодки которой могут плавать в Балтийском море — мы не можем и не будем»²². При решении данного конкретного вопроса произошло именно так, как сказал Риттер.

Вместе с тем, по ряду других «щекотливых» пунктов, касавшихся советских военных заказов, Берлин вынужден был пойти на серьезные уступки, дав согласие на поставку в СССР, в частности, броневой стали, корабельных катапульт и приборов для осуществления слепой посадки самолетов. Закономерен вопрос: почему? Ответ на него был дан на межведомственном совещании, состоявшемся в Рейхсминистерстве экономики 4 января 1936 г. В его протоколе отмечалось:

Положение Германии с сырьем вследствие непоступления русского сырья угрожает приобрести катастрофический характер. Германия нуждается по меньшей мере в сырье из Советского Союза на сумму в 160 млн рейхсмарок, в особенности древесины, нефти, кормов, марганцевой руды. Положение с валютой в Германии также безотлагательно требует дальнейшего притока русского золота²³.

²¹ СССР — Германия 1933–1941. Док. 71. С. 128.

²² Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 338. S. 944.

²³ ADAP. Ser. C. Bd. IV, 2. Dok. 483. S. 950.

На первый взгляд, в правительстве СССР не могло быть разных мнений по поводу официального курса, ориентированного на расширение торгово-экономических отношений с Германией, но тем не менее они были. Так, нарком по иностранным делам Максим Максимович Литвинов (1876–1951) в одной из записок Сталину обратил его внимание на следующее: «Ввиду совершенной безнадежности улучшения политических отношений, я считал бы неправильным передачу в Германию всех или львиной доли наших заграничных заказов на ближайшие годы. Это было бы неправильно потому, что мы этим оказали бы крупную поддержку германскому фашизму, испытывающему теперь величайшие затруднения в экономической области»²⁴. При обсуждении этого вопроса в Кремле Сталин поддержал позицию торгпреда Канделаки, активно лоббировавшего всяческое расширение объема экономических отношений с Германией²⁵. Почему? Представить, что Сталин не понимал того значения, которое имеют для экономики Германии и наращивания ее военной мощи советские поставки сырья, трудно. Может быть, он рассчитывал на то, что поставки военной продукции и технологий из Германии позволят усилить экономический потенциал и военную мощь СССР, и в итоге, они как минимум не будут уступать таковым третьего рейха, а значит, такая политика оправдана? Подобные соображения, разумеется, исключать нельзя, но были ли они основными и тем более единственными?

Замысел Сталина: намерения и реальность

И здесь на первый план, по моему мнению, выдвигается то главное, что побудило Сталина наделить торгпреда Канделаки полномочиями, явно выходящими за рамки хотя и важных, но рутинных переговоров по торгово-экономическим вопросам, в том числе касавшихся лоббирования заказов военного назначения. Все, что в связи с этим имело, несомненно, немалое значение для усиления военно-экономического потенциала СССР, было одновременно трамплином, который, как можно предположить, по замыслу Сталина, позволил бы не просто нормализовать отношения с Германией, но и ввести их в рамки политического соглашения. Что дает основания для

²⁴ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 303. S. 864.

²⁵ Ibid. Dok. 310. S. 878.

подобного умозаключения? Прежде всего, это те единичные письменные инструкции, данные Канделаки, которые в настоящее время доступны исследователям. Но, разумеется, речь идет не только о конкретных текстах; взятые сами по себе, независимо от конкретной обстановки, они вряд ли позволят ответить на вопрос адекватности намерений их инициатора. В поле зрения должны находиться состояние двусторонних отношений и их международный фон, а также реакция противоположной стороны, причем как прогнозируемая, так и реальная.

В первой из таких инструкций — для беседы с рейхсминистром экономики Ялмаром Шахтом (1877–1970), составленной Литвиновым и отредактированной Сталиным через несколько дней после заключения фактически направленного против Германии советско-французского договора о взаимопомощи в мае 1935 г., — подчеркивалась неизменная готовность советского правительства развить с ней «наилучшие отношения, в особенности экономические, которые оно очень ценит». Более того, «заключенный пакт (с Францией. — С. С.) не только не должен мешать, а наоборот, может помочь установлению более спокойных и наилучших корректных отношений с Германией, а также дальнейшему развитию экономических отношений». Почему же советско-французский договор не мог служить помехой улучшению советско-германских отношений? И на этот вполне закономерный вопрос было заготовлено следующее разъяснение:

Мы ограничили свою помощь только французской территорией. <...> Среднеевропейские и другие проблемы, которые могут интересовать Германию без прямого ущерба для СССР, пактом не затронуты, как известно²⁶.

Последнее положение — еще одна наглядная иллюстрация двухуровневой внешней политики СССР²⁷.

Впрочем, временная дистанция от санкционированной Сталиным инструкции для беседы Канделаки с Шахтом до самой беседы была необычно продолжительной, более двух месяцев. И это несмотря на то, что на протяжении этого периода торгпред дважды встречался с рейхсминистром экономики. Причем первая встреча произошла

²⁶ СССР — Германия 1933–1941. Док. 67. С. 125–126.

²⁷ См. подробнее: Случ 2009: 89–90.

22 мая, т. е. на следующий день после речи Гитлера в рейхстаге, в которой впервые в публичном пространстве в качестве рейхсканцлера столь много внимания было уделено проблеме идеологической несовместимости и антагонизма теории и практики национал-социализма и большевизма²⁸. Характеризуя ее значение для германо-советских отношений, советник Посольства Германии в СССР Фриц фон Твардовский (1890–1970) отметил в письме консулу в Киеве Андору Хенке (1895–1984):

Наша позиция в отношении Советского Союза отныне ясно изложена, и больше нет необходимости с нашей стороны высказывать в беседах все еще присутствующее пожелание о поддержании хороших, даже дружеских отношений²⁹.

По всей видимости, в Москве, ознакомившись с содержанием речи Гитлера и прокомментировав ее в печати³⁰, сочли неуместным в такой атмосфере поднимать вопрос о политическом сближении. Однако не только сам факт очередной встречи рейхсминистра с торгпредом, но особенно ее содержательная сторона, о которой сейчас известно крайне мало, вызывают вопросы. Так, совершенно неясно, насколько было проработано на экспертном уровне столь грандиозное предложение³¹ и приняло ли германское правительство какое-либо решение по этому поводу. Спустя почти месяц, 20 июня, по инициативе Шахта состоялась его очередная встреча с Канделаки, в ходе которой он уточнил условия предоставления кредита в сумме 800 млн — 1 млрд рейхсмарок с погашением в течение 17–18 лет³². Небезынтересно, что это предложение со стороны Шахта пришлось как раз на тот период, когда германский посол в СССР граф Фридрих фон дер Шуленбург (1875–1944) получил от своего руководства

²⁸ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 159. S. 534–537.

²⁹ Ibid. Dok. 162. S. 541.

³⁰ Декларация Гитлера // Известия. 1935. 23 V: 1; Враги мира и безопасности [Передовица] // Правда. 1935. 23 V: 1.

³¹ Шахт заявил Канделаки о намерении войти в правительство с предложением предоставить СССР заем в один миллиард марок сроком на десять лет с погашением этого займа интересующим Германию сырьем (Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 166. S. 552).

³² Москва — Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Сб. документов: в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: Наука, 2011. Т. 3: 1933–1941. Док. 75. С. 124.

рекомендацию — «месяца полтора ничего не предпринимать и выждать»³³, что было вполне естественно, принимая во внимание как общее развитие международной обстановки, так и речь Гитлера в рейхстаге. В свою очередь, Канделаки 25 июня получил от наркома внешней торговли Розенгольца (читай: Сталина) строгое указание — «избегать дальнейших разговоров о кредите до 1 миллиарда марок. <...> Мы не верим в искренность намерений Шахта предоставить на деле крупные кредиты»³⁴.

Если исходить из столь категоричной реакции на весьма привлекательное и многообещающее предложение германской стороны, то вырисовывается перспектива замораживания или, как минимум, «подмораживания» контактов и на этом направлении. Но в действительности не все было так однозначно, о чем свидетельствуют следующие факты. В тот же день, 25 июня, Политбюро ЦК ВКП(б) принял решение — информировать французское правительство о кредитном предложении Шахта и его отклонении советской стороной³⁵. Каковы были истинные причины отклонения этого беспрецедентного по масштабам за всю предшествующую историю взаимоотношений СССР с капиталистическими государствами кредита, сказать трудно, так как даже Литвинов информировал полпредов о мотивах этого решения по-разному³⁶, что наводит на мысль, что оно носило не только экономический, но и политический характер.

Итак, негативная реакция советского руководства на предложение предоставления нового кредита не оставляла, на первый взгляд, сомнений в том, что ответные действия с германской стороны вряд ли благоприятно скажутся и на этой, все еще сохраняющей потенции развития

³³ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 182. S. 589.

³⁴ СССР — Германия 1933–1941. Док. 69. С. 127.

³⁵ Там же. Док. 70. С. 127. 26 июня Литвинов довел эту информацию до сведения посла Франции в СССР Шарля Альфана (1879–1942) (ДВП СССР. Т. XVIII. Док. 288. С. 415).

³⁶ Сообщая полпреду СССР во Франции Владимиру Петровичу Потемкину (1874–1946) о своей беседе с Альфаном, Литвинов мотивировал отклонение предложения Шахта тем, что советское руководство считает его «немецким маневром» (ДВП СССР. Т. XVIII. Прим. 157. С. 646–647). В письме же Якову Захаровичу Сурицу (1882–1952) 27 июня, с которым у него были доверительные отношения, нарком писал: «Канделаки дана отсюда директива указать Шахту на препятствия, чинимые немцами в реализации двухсотмиллионного кредита путем взвинчивания цен, и под этим прикрытием *уклониться* (выделено мной. — С. С.) от дальнейших разговоров на тему о новом кредите» (АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 30. Л. 24).

сфере двусторонних отношений. Во всяком случае, должна была наступить некая пауза для осознания произошедшего и поиска тех или иных решений, позволявших преодолеть патовую ситуацию в переговорном процессе. Неизвестно, какие именно решения на этот счет были приняты в Кремле, но очевидно следующее: спустя несколько дней после принятия решения об отказе от предложения Шахта Канделаки был вызван в Москву для обсуждения вопроса о дальнейших экономических отношениях с Германией³⁷. О том, чем торгпред занимался в столице, почти ничего не известно, кроме того, что он был дважды (5 и 7 июля)³⁸ приглашен к Сталину. По всей видимости, именно на этих совещаниях в Кремле Канделаки получил указания заручиться посредничеством Шахта на nive улучшения политических отношений между двумя государствами, в качестве необходимого условия ведения переговоров о германском кредите, что должно было означать переход политической части его миссии в активную фазу.

Вскоре после возвращения в Берлин, 15 июля Канделаки был принят Шахтом. Насколько можно судить по лаконичной записи рейхсминистра экономики, торгпред повторил уже известную ему точку зрения советского руководства, согласно которой следовало отложить переговоры, касающиеся нового большого кредита, до тех пор, пока не будут размещены заказы в германских фирмах по кредиту в рамках договора от 9 апреля 1935 г. Затем он поставил вопрос о необходимости улучшения советско-германских отношений и поинтересовался, может ли Шахт этому содействовать. На встречный вопрос рейхсминистра, в чем конкретно должно заключаться это содействие, Канделаки начал рассуждать об отношении Германии к Восточному пакту. На это Шахт заметил, что если советское правительство желает обсуждать подобные вопросы, оно должно обратиться через своего посла в МИД³⁹. Казалось бы, все ясно — разговор не получился и проблема, касающаяся обсуждения политической стороны отношений, на этом уровне была закрыта.

Ныне у историков появилась возможность ознакомиться и с отчетом Канделаки об этой беседе, направленным Сталину, который имеет существенные отличия от записи Шахта, причем как

³⁷ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 187. S. 596.

³⁸ На приеме у Сталина. С. 169.

³⁹ ADAP. Ser. C. Bd. IV, 1. Dok. 211. S. 444–445.

в тональности, так и в содержательном отношении. Так, после упоминания Канделаки об уклончивой реакции Германии на предложение о присоединении к Восточному пакту и отсутствии однозначного ответа на него⁴⁰, Шахт заявил, что

[О]н охотно займется выяснением этого вопроса, так как считает, что его задача — создание крепких хозяйственных связей между СССР и Германией, и поэтому установление в дальнейшем “дружественных отношений”, вместо существующих в настоящее время “корректных отношений”, облегчило бы ему ее осуществление⁴¹.

Эти различия в записях беседы неизбежно ставят вопрос о том, какой из них в большей степени можно доверять. С моей точки зрения, запись Шахта вызывает больше доверия. Почему? Во-первых, рейхсминистр не преминул повторить Канделаки, что он «не может вмешиваться в политические переговоры». Во-вторых, Шахт, в полной мере отдавал себе отчет, как необходимо в условиях неизменно-го антисоветского внешнеполитического курса Гитлера дистанцировать обоюдную экономическую заинтересованность от политической враждебности, при этом не беря на себя какие-либо посреднические функции, выходящие за рамки его полномочий как рейхсминистра экономики и президента Рейхсбанка. И, наконец, в-третьих, Шахт заявил, что информирует о беседе с Канделаки МИД, куда была направлена ее запись, что лишний раз подчеркивало его документально зафиксированную позицию.

Что могло побудить Канделаки приукрасить сложившуюся в ходе беседы ситуацию? Здесь могло быть несколько причин, среди которых я выделю следующие: во-первых, наделенному ответственным поручением Сталина, воодушевленному первым успехом (договор 9 апреля 1935 г.) и только что полученной высокой наградой⁴²,

⁴⁰ В речи 21 мая 1935 г. Гитлер выразил вполне однозначно свое отношение к Восточному пакту, после чего Литвинов в письме Сурицу 3 июня констатировал: «Можно считать, на данное время вопрос о Восточном пакте ликвидированным» (ДВП СССР. Т. XVIII. Док. 253. С. 373–374).

⁴¹ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 198. S. 626.

⁴² 10 июля 1935 г. было подписано постановление ЦИК СССР о награждении Канделаки «за выдающиеся заслуги, энергию и инициативу в области внешней торговли» орденом Ленина. Канделаки был не единственным, кто был награжден согласно этому указу, но только он был отмечен высшим советским орденом (Известия. 1935. 7 XII: 1).

Канделаки, вероятно, психологически крайне сложно было сообщить о произошедшей неудаче. Во-вторых, Канделаки ранее пытался убедить Сталина, что возможно разыграть некую «партию»: Шахт против Гитлера⁴³, заручившись поддержкой рейхсминистра и пойдя, по-видимому, ему навстречу в каких-то вопросах, что явно не удалось уже в ходе первой серьезной попытки. В-третьих, можно не без оснований предположить, что, даже располагая составленной Литвиновым инструкцией-«шпаргалкой» для беседы⁴⁴, Канделаки нелегко было вести беседу, не связанную с конкретными экономическими вопросами, с таким политическим зубром, как Шахт, который мог вполне поставить в тупик неискушенного в дипломатии собеседника даже притворным вопросом⁴⁵.

Независимо от мотивов, которые побудили Канделаки пойти на составление именно явно приукрашенного отчета⁴⁶, он тем самым ввел Сталина в заблуждение относительно реакции рейхсминистра на возможность его содействия улучшению советско-германских политических отношений. Повлияло ли это как-то на дальнейшее развитие переговорного процесса? Думаю, что заметно не повлияло, но при этом вполне могло укрепить уверенность Сталина в правильности избранного им курса, рассчитанного на достижение соглашения с нацистской Германией, используя экономический рычаг, что в полной мере подтверждает дальнейшее развитие событий на этом направлении.

⁴³ Москва — Берлин. Т. 3. Док. 103. С. 159.

⁴⁴ См. сн. 26. На сегодняшний день исследователям не известны какие-либо дополнения к этой памятке для беседы с Шахтом с учетом появившихся за два с лишним месяца новых элементов в двусторонних отношениях, но вполне возможно, что в Кремле ограничились устными указаниями.

⁴⁵ Согласно записи Шахта, когда Канделаки затронул вопрос о Восточном пакте, рейхсминистр спросил его, что это такое (ADAP. Ser. C. Bd. IV, 1. Dok. 211. S. 445). Очевидно, что после такой реакции Шахта едва ли мог состояться сколько-нибудь предметный разговор на политические темы.

⁴⁶ Симптоматично, что копия отчета о беседе с Шахтом не была направлена в НКВД, не удалось обнаружить упоминание о ней и в переписке Полпредства с НКВД. С формальной точки зрения, подобное положение не являлось каким-либо нарушением, так как торгпредства подчинялись Наркомату внешней торговли. Однако оно может быть объяснено «ненормальными отношениями», сложившимися между торгпредами и полпредами в ряде стран, отражавшими своего рода противостояние центральных аппаратов НКВД и НКВД. См. записку Литвинова Сталину от 15 февраля 1936 г. (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 882. Л. 19–20).

Переговоры о новом кредите: экономика и политика

Что касается миссии Канделаки, то она продолжилась и была теперь ориентирована преимущественно на упрочение торгово-экономических связей, на реализацию конкретных задач по размещению заказов, прежде всего военного назначения, а также заключение нового широкомащтабного, долгосрочного кредитного соглашения с Германией.

О том, что Канделаки не оставлял намерения как можно скорее вернуться к предложению Шахта о новом кредите, свидетельствует его письмо Сталину от 3 сентября 1935 г. В частности, он писал:

Переговоров о будущих экономических соглашениях пока с немцами на основе Ваших указаний не ведем. После того как мы с Шахтом условились отложить разговоры о миллиардном кредите на некоторое время, я при встречах с ним избегаю этой темы. Думаю, что в течение ближайших 3–4 месяцев к этому вопросу еще можно было бы вернуться, хотя экономическое и финансовое положение Германии резко обостряется <...>. Вопрос об экономической договоренности с нами есть также предмет внутренней борьбы в фашистском лагере, и если бы состоялось соглашение, позиции Шахта и его кругов, понятно, были бы усилены⁴⁷.

Канделаки написал письмо Сталину еще до открытия очередного съезда НСДАП, который вошел в историю принятием печально известных Нюрнбергских расовых законов, но отметился также новым всплеском антисоветизма. По оценке Бессонова, наблюдавшего за развитием событий в Германии:

Нюрнберг отравил советско-германские отношения до такой степени, что дальше, собственно, идти некуда. Мы находимся сейчас, так сказать, в самой глубокой точке ухудшения политических отношений с Германией⁴⁸.

В Кремле, а точнее, в Сочи, где отдыхал Сталин, было принято решение не обострять ситуацию, а ограничиться полемикой в печати,

⁴⁷ СССР — Германия 1933–1941. Док. 71. С. 128. Спустя несколько дней Сталин, находившийся на отдыхе, сообщил Л. М. Кагановичу о своей реакции на это письмо: «Дела идут у нас в Германии, по-видимому, не очень плохо. <...> Передайте от меня т. Канделаки привет и скажите, чтобы он настаивал на получении от немцев всего, что нужно нам по военному делу и красителям» (Сталин и Каганович. Док. 642. С. 558).

⁴⁸ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 235. S. 713.

которая не носила бы «крикливый, ругательный характер»⁴⁹, и хотя это решение не улучшило отношения, но, по крайней мере, не способствовало их дальнейшему ухудшению. Тем более что экономические круги Германии проявили заметный интерес к возобновлению переговоров как по текущим вопросам, связанным с договорными отношениями в 1936 г., так и о заключении нового крупного кредитного соглашения⁵⁰.

30 октября состоялась очередная беседа Шахта с Канделаки, во время которой рейхсминистр выразил готовность — в случае достижения договоренности по некоторым пожеланиям Берлина, касающимся экономических отношений в 1936 г., — предоставить СССР крупный кредит на выгодных для него условиях⁵¹. Это новое предложение не осталось без внимания с советской стороны, причем на самом высоком уровне. На совещании в Кремле 2 ноября⁵² было принято решение о формировании специальной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с Л. М. Кагановичем по германскому кредиту, которой поручалось в недельный срок определить заказы в Германии, «имея в виду возможность заключения кредитного соглашения на 800 м[иллионов] м[арок] на представленных Канделаки условиях»⁵³. По поручению Комиссии Розенгольц 17 ноября направил Сталину на утверждение проект директив Канделаки на переговоры с немцами о 800-миллионном кредите и соглашении на 1936 г.⁵⁴ Несмотря на столь высокую степень заинтересованности в активизации переговоров по кредиту, по не совсем понятным причинам проект директив Канделаки на ведение именно этих переговоров, в отличие от проекта директив о соглашении на 1936 г.⁵⁵, не был утвержден.

Тем не менее переговоры о новом кредитном соглашении продолжались, и 16 декабря состоялась новая встреча Канделаки с Шахтом,

⁴⁹ Ibid. Dok. 236. S. 716. Эта тональность была взята на вооружение только после того, как Сталин 15 сентября в телеграмме дал «совет не делать в нашей печати истерического шума <...>. Пусть критикует их “Правда” принципиально и политически, но без площадной брани» (Сталин и Каганович. Док. 658. С. 569).

⁵⁰ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 233, 254, 272.

⁵¹ ADAP. Ser. C. Bd. IV, 2. Dok. 386. S. 770.

⁵² На совещание были приглашены руководители НКВД и НКВТ, а также полпред в Германии Суриц и Канделаки (На приеме у Сталина. С. 171).

⁵³ СССР — Германия 1933–1941. Док. 75. С. 134–135.

⁵⁴ Москва — Берлин. Т. 3. Док. 100. С. 154–157.

⁵⁵ Там же. Док. 105. С. 162–163.

в ходе которой с обеих сторон был уточнен ряд обсужденных ранее параметров. Сумма кредита сокращалась до 500 млн рейхсмарок. Согласно отчету, направленному Сталину, Канделаки предъявил Шахту «категорическое требование», связанное с «обязательством германского правительства предоставить нам интересующие объекты согласно списку, который должен быть приложен к соглашению о займе». В соответствии с полученной Канделаки директивой этот «список должен [был] обязательно содержать следующие объекты: 1. Военные суда (линейный корабль, миноносцы, подводные лодки — при нашем желании — с полным вооружением); 2. Соглашение с ИГ Фарбениндустри о техпомощи по красителям, военным газам, пластическим массам, гидрированию угля и магнию; 3. Соглашение о техпомощи с фирмой Цейс по всей оптике». Политические вопросы торгпред не затрагивал, выделив лишь слова Шахта о том, что «соглашение о займе может привести к некоторому очищению политического горизонта в советско-германских отношениях», а также его намеки на положительные сдвиги, которые могли бы иметь место, если бы произошла встреча Сталина и Гитлера⁵⁶.

В целом встреча продемонстрировала продвижение в переговорах о крупном кредите, хотя некоторые вопросы оставались еще не проясненными, прежде всего те, которые касались обязательств по поставкам продукции военного и двойного назначения⁵⁷. В Кремле было принято решение даже повысить уровень переговоров с советской стороны, направив неофициально в помощь Канделаки первого заместителя наркома тяжелой промышленности Георгия Леонидовича Пятакова (1890–1937)⁵⁸. Можно предположить, что эвентуальное согласие Берлина на столь категоричные требования Москвы относительно номенклатуры заказов, обуславливавшее заключение кредитного соглашения, могло рассматриваться Сталиным не только как одно из средств, направленных на повышение обороноспособности

⁵⁶ СССР — Германия 1933–1941. Док. 76. С. 135, 136. На документе, направленном Сталиным К. Е. Ворошилову, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу имеется его помета: «Интересно. И. Ст[алин]» (Там же. С. 135).

⁵⁷ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 338. S. 944.

⁵⁸ Ibid. Dok. 310. S. 878–879. Пятаков в первой половине декабря 1935 г. находился несколько дней в Берлине, о чем он сказал в ходе допроса на судебном процессе 23 января 1937 г. (Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 г.). М., 1937. С. 44). Какого-либо документального подтверждения участия Пятакова в переговорах с Шахтом обнаружить не удалось.

страны, но и, пожалуй, как своего рода индикатор возможных сдвигов на пути к установлению определенной степени взаимопонимания и в политической сфере.

Как же сочетались эти обнадеживающие беседы на экономическом фронте с реальным политическим фоном, характеризующим двусторонние отношения? Суриц, активизировавшийся после полученной на совещании в Кремле 2 ноября директивы контакты с представителями германской элиты, еще больше утвердился во мнении, что «взятый Гитлером курс против нас остается неизменным и что ожидать каких-либо серьезных изменений в ближайшем будущем не приходится». Ничего нового в этом смысле не внес и его разговор с министром иностранных дел Константином фон Нейратом (1873–1956), давшим явно «понять, что на ближайший период наши отношения нужно замкнуть в рамки узкоэкономического порядка». Резюмируя, Суриц пришел к выводу, что «пока же нам, по-видимому, ничего другого, действительно, не остается, как терпеливо выжидать и продолжать усиливать и развивать нашу экономическую работу. Усиление экономических связей на базе последних предложений Шахта выгодно обеим сторонам», так как «приведет в движение заинтересованные коммерческие круги, приблизит их к нам, несомненно, усилит нашу “базу” в Германии и значительно облегчит переключение и политического курса»⁵⁹. Литвинов, вполне разделявший эти выводы полпреда, счел необходимым довести их до сведения Сталина, сопроводив рядом своих предложений, в том числе направленных на ограничение масштабов экономического сотрудничества с Германией⁶⁰, о чем уже упоминалось.

Более чем сдержанной была оценка перспектив улучшения политических отношений, даже при условии заключения нового кредитного соглашения, со стороны представителей третьего рейха⁶¹.

⁵⁹ ДВП СССР. Т. XVIII. Док. 424. С. 569–571.

⁶⁰ Москва — Берлин. Т. 3. Док. 103. С. 158–160. В письме Сурицу от 4 декабря 1935 г. Литвинов высказался еще категоричней, считая целесообразным поддержание экономических отношений с Германией «в той лишь мере, в какой это необходимо во избежание полного разрыва между обеими странами» (*Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 304. S. 865*).

⁶¹ См. беседу советника посольства Германии в СССР Вернера фон Типпельсирха (1891–1980) с заведующим экономической частью НКВД Борисом Даниловичем Розенблюмом (1899–1938) 3 января 1936 г. (АВП РФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 85. Д. 26. Л. 30).

Ничего нового на этот счет не добавил в беседе с Литвиновым и вернувшийся из Германии фон Шуленбург, где он встречался с Гитлером. По словам посла, у рейхсканцлера нет возражений против экономических отношений с СССР, все же остальное остается без изменений⁶².

Несмотря на обоюдный пессимизм относительно общего улучшения отношений и даже касательно все еще нерешенных вопросов, высокопоставленные представители заинтересованных германских ведомств выражали уверенность, что в январе 1936 г. удастся подписать кредитное соглашение⁶³. К этому времени предполагалось завершить подготовительную работу и получить экспертные заключения о кредите в целом, и в особенности по списку советских заказов, который Шахт не возражал приложить к соглашению⁶⁴. Вернувшийся в Берлин после рождественских каникул Шахт, несомненно, был информирован об экспертных заключениях, которые неизбежно должны были уделять повышенное внимание перечню обязательных поставок вооружений и продукции военного назначения, приложенному к проекту кредитного соглашения⁶⁵. Не обошли представители разных ведомств и другие вопросы, связанные с планируемым кредитом СССР, причем как экономические, так и политические. Например, в ходе состоявшегося на упоминавшемся межведомственном совещании в начале января 1936 г. обсуждении, наряду с прозвучавшей поддержкой переговоров о кредите, высказывались и определенные сомнения по поводу обозначенных Шахтом условий его предоставления, включая регулярное получение необходимых объемов сырья в рамках столь долгосрочного кредита⁶⁶.

Среди имеющихся в распоряжении исследователей документов есть также черновой вариант экспертного мнения нового заведующего сектором России во 2-м отделе МИД Германии А. Хенке, в котором отмечалось:

⁶² Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 344. S. 959.

⁶³ Ibid. Dok. 349. S. 969.

⁶⁴ Ibid. Dok. 338. S. 943–944.

⁶⁵ 6 ноября 1935 г. был принят закон, регулирующий ввоз и вывоз военной техники из Германии. См. Reichsgesetzblatt. 1935. Teil I. S. 1337. Перечень вооружений и военной техники, ввоз и вывоз которых подлежал специальному разрешению ответственного рейхскомиссара см.: Deutscher Reichsanzeiger. 1935. XI 18: 1.

⁶⁶ ADAP. Ser. C. Bd. IV, 2. Dok. 483. S. 948–952.

Не подлежит никакому сомнению, что предоставление облигационного займа на сумму $\frac{1}{2}$ миллиарда рейхсмарок на срок, при котором последние платежи последовали бы примерно через 18 лет, имеет не только экономическое, но также очень большое политическое значение. <...> Не требуется вновь подчеркивать, что такое соглашение существенно отклоняется от политической линии, которой придерживается обычно правительство Германии по отношению к советскому правительству как оплоту большевизма и смертельному врагу национал-социализма.

Констатировав эти очевидные факты, автор пришел к недвусмысленному заключению:

Если по жизненно необходимым экономическим причинам, о чем может судить только Рейхсминистерство экономики, требуется предоставление Советскому Союзу облигационного займа на сумму $\frac{1}{2}$ миллиарда рейхсмарок со средним сроком погашения в 10 лет, то этот шаг должен быть своевременно подготовлен в пропагандистском отношении⁶⁷.

Неизвестно, как была воспринята эта записка в руководстве МИД, и было ли доведено ее содержание до сведения Шахта, но очевидно, что представленная в ней оценка запланированного кредитного соглашения с СССР, будучи, наверняка, отнюдь не единичной, отражала всю несовместимость существующих экономических интересов с реальным внешнеполитическим курсом Гитлера.

По всей видимости, возникло достаточно щекотливое положение, принимая во внимание, что сумма кредита и его сроки были сообщены Шахтом Канделаки в рамках своего рода «обязывающего согласия» и не подлежали какому-либо изменению⁶⁸. Необходимость найти выход, каким-то образом дезавуировав сделанное предложение об условиях 500-миллионного кредита, с одной стороны, и продолжить неизбежно отягощенные этим обстоятельством переговоры о торговом соглашении на 1936 г. — с другой, было совсем непростой задачей. Но вмешался политический фактор, позволивший довольно легко официальному Берлину «перевести стрелки» на Москву.

⁶⁷ ADAP. Ser. C. Bd. IV, 2. Dok. 490. S. 967–968.

⁶⁸ Ibid. Dok. 483. S. 951.

Ошибочный ход Кремля и его последствия

Что же произошло? 10 января председатель Совнаркома СССР Вячеслав Михайлович Молотов (1890–1986), выступая на сессии ЦИК с докладом, в котором, в частности, через призму «Майн Кампф» Гитлера охарактеризовал внешнюю политику Германии как «беспардонную, антисоветскую», представлявшую опасность не только для СССР, но и для других государств. Вместе с тем он упомянул о развивающихся торгово-экономических отношениях с рейхом, заявив:

В последние месяцы представители германского правительства ставили перед нами вопрос о новом, более крупном кредите — уже на 10 лет. <...> Мы не отказывались и не отказываемся обсудить и это деловое предложение германского правительства⁶⁹.

Независимо от мотивов, побудивших Молотова затронуть проблему нового германского кредита, эти слова, по всей видимости, предназначавшиеся не только Берлину, вызвали эффект бумеранга. Уже спустя несколько дней вице-президент Рейхсбанка Фридрих Дрейзе (1874–1943) и представитель МИД Конрад Рёдигер (1887–1973) высказали Бессонову и Канделаки серьезные претензии к этим пассажам доклада Молотова. Их суть сводилась, прежде всего, к тому, что советская сторона нарушила принцип конфиденциальности переговоров о кредите и искажила информацию об их состоянии⁷⁰. Однако этим дело не ограничилось. Когда Канделаки в середине января обратился с просьбой о новой встрече с Шахтом, чтобы продолжить переговоры о кредите, его уведомили, что рейхсминистр пока не видит возможности с ним разговаривать, поскольку «очевидно, г-н Молотов взял дело в свои руки»⁷¹.

20 января Канделаки направил Сталину, Молотову и Розенгольцу подробное сообщение о реакции германских деловых кругов на упомянутый пассаж в докладе Молотова⁷². Каждый из четырех перечисленных им пунктов, касавшихся претензий немцев, хотя и сопровождался вводными словами («по мнению немцев»), начинался

⁶⁹ ДВП СССР. Т. XIX. Приложения. С. 699.

⁷⁰ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 354. S. 978–979.

⁷¹ Ibid. Dok. 358. S. 985.

⁷² СССР — Германия 1933–1941. Док. 78. С. 137–139.

с явно негативного подтекста, вроде: «Молотов, не должен был...» или «Молотов неправильно изложил...» и т. п. В избранной форме отчета угадывалось завуалированное личное раздражение торгпреда по поводу произошедшего, ибо оно явно нанесло удар по переговорному процессу. Новым элементом в сообщении Канделаки по сравнению с уже ранее известным в Москве была информация о реакции представителей Рейхсминистерства экономики и Рейхсбанка на упоминание в докладе о кредите для СССР сразу же после резкой критики внешнеполитического курса Германии, что, по их мнению, фактически противопоставляло «экономическую политику Шахта в отношении СССР общей политике Гитлера»⁷³. При этом именно Канделаки, как уже отмечалось, был инициатором использования такого подхода, хотя Литвинов обращал внимание Сталина на всю несостоятельность подобного рода комбинации⁷⁴. Но Сталин, с которым Молотов, несомненно, согласовывал наиболее ответственные тезисы своего доклада, был, вероятно, заморожен предложенной Канделаки схемой, свидетельствовавшей о явном непонимании национал-социалистического режима и того места, которое занимал в нем Гитлер. Последствия этой «затеи» Кремля, сыгравшей явно на руку Берлину и, прежде всего, лично Шахту, позволив перевести обсуждение вопроса о, казалось бы, уже предрешенном крупном кредите в валютотекущий процесс, обраставший предварительными условиями, не заставили себя ждать.

Хочу сразу отвести предположение, что Молотов сознательно пошел на этот шаг, рассчитывая именно на ту реакцию с германской стороны, которая имела место. Это опровергает не только вся подготовительная работа с советской стороны по заключению кредитного соглашения, направляемая специальной комиссией Политбюро, но и последующие шаги Канделаки, добивавшегося встречи с Шахтом и после направленного Сталину упомянутого отчета⁷⁵. Когда же 30 января встреча наконец-то состоялась, торгпред вновь вернулся к вопросу о кредите, что могло означать наличие соответствующей

⁷³ СССР — Германия 1933–1941. Док. 78. С. 137.

⁷⁴ См. сн. 43.

⁷⁵ Об этом свидетельствует и позиция торгпреда в ходе совещания с руководством Германского союза промышленности 24 января 1936 г. (ADAP. Ser. C. Bd. IV, 2. Dok. 524. S. 1021).

инструкции из Москвы. Правда, рейхсминистр отклонил обсуждение этого вопроса, как «в настоящий момент еще не актуального»⁷⁶.

Возникшая пауза, продолжительность которой никто не мог предвидеть, также сыграла, наряду другими факторами⁷⁷, немаловажную роль в затухании всей «кредитной эпопеи». На передний план вышли затянувшиеся переговоры о заключении торгово-платежного соглашения на 1936 г., в скорейшем завершении которых были заинтересованы обе стороны. Однако при этом в Москве отнюдь не забывали об обещанном немцами кредите, подчеркивая в служебной переписке, что «улучшение отношений с Германией может начаться лишь с экономического конца, и потому нас здесь очень интересует ход переговоров о 500-миллионном кредите»⁷⁸. Между тем переговоров как таковых в Берлине не велось, и вот как объяснял причины этого Хенке в приватном письме от 2 марта 1936 г. германскому послу в Японии Герберту фон Дирксену (1882–1955):

В вопросе о кредите положение сложнее, так как русские хотят придать ему нежелательный политический характер. В данный момент об этом вообще не разговаривают⁷⁹.

7 марта 1936 г. внесло новые неблагоприятные реалии в двусторонние отношения в целом и в переговорный процесс по экономическим вопросам, в частности. В нарушение как Версальского, так и Локарнского договоров части Вермахта заняли демилитаризованную Рейнскую зону, что не только серьезно улучшало общее военнополитическое положение Германии, создавая одновременно «важные предпосылки для основ будущей Восточной политики» Гитлера⁸⁰, но и стало переломным событием в стиле его внешней политики⁸¹. Выступая в тот же день с речью в рейхстаге (в ней обосновывалась

⁷⁶ ADAP. Ser. C. Bd. IV, 2. Dok. 530. S. 1039. В ответе Канделаки Шахт был даже более прямолинейен, чем сформулированная на этот счет рекомендация в МИД (Ibid. Dok. 506. S. 992).

⁷⁷ Существенное место среди них занимало противодействие военных кругов, поскольку на заказы военного назначения в планируемом кредите приходилось примерно 40% от их общей суммы (Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 382. S. 1039).

⁷⁸ Ibid. Dok. 389. S. 1055–1056.

⁷⁹ Mund 2006: 193.

⁸⁰ Messerschmidt 1979: 603.

⁸¹ Wolz 2015: 488, 508–511.

правомерность совершенных действий и демонстрировалось желание заключать новые соглашения со всеми заинтересованными государствами), рейхсканцлер не оставил без внимания и Советский Союз, представив его как воплощение на государственном уровне претендующего на мировое господство большевизма. Противопоставив СССР всей остальной Европе, он сформулировал пределы допустимых отношений с этой, «другой частью» континента, с которой «мы не желаем входить ни в какие обычные тесные контакты, кроме сложившихся политических и экономических международных отношений»⁸². Эти высказывания дали основания Хенке сделать вывод о наступившей «полной ясности» в германо-советских отношениях⁸³.

В отличие от немецкого дипломата, Суриц не был склонен драматизировать влияние речи Гитлера на двусторонние отношения, полагая, что «трезвая политическая действительность вносит все время поправку в это антисоветское настроение». А эта действительность, по его мнению, вынуждает Германию «сохранять интерес к советскому рынку», прежде всего к сырьевому. Поэтому, резюмировал полпред:

[Н]есмотря на все антисоветские декларации, Германия вплоть до своего вступления в новую войну вынуждена будет поддерживать с нами экономические связи даже в форме долгосрочного кредитования⁸⁴.

Это было, конечно, иллюзией, и последовавшие события опровергли подобные надежды, свидетельствовавшие о непонимании подчиненной роли экономических интересов по отношению к политико-идеологическому целеполаганию при тоталитарном режиме.

В Кремле были склонны занять твердую позицию в связи с ремилитаризацией Рейнской зоны и поддержать сдержанную обеспокоенность государств — сигнатариев Локарнских соглашений, даже упрекнув их в нерешительной реакции на действия Германии. Об этом свидетельствовали как публикации в прессе⁸⁵, так и речь

⁸² *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. Wiesbaden: Verlag R. Löwit, 1973. Bd. I. Triumph. Tbd. 2. 1935–1938. S. 588.

⁸³ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 408. S. 1099.

⁸⁴ Ibid. Dok. 410. S. 1105.

⁸⁵ *Радек К.* Еще один разорванный «клочок бумаги» // Известия. 1936. 3 VIII: 3; *Viator* [псевд. К. Радека] После расторжения Локарнского договора // Известия. 1936. 3 X: 1.

Литвинова на сессии Совета Лиги Наций в Лондоне 17 марта 1936 г.⁸⁶ Видимо, стремясь в этой ситуации, с одной стороны, продемонстрировать свое осуждение политики Гитлера, а с другой, никак не афишировать какие-либо контакты с германскими официальными лицами, 20 марта Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «не вести переговоров по вопросу о 500 млн кредите»⁸⁷, задержав даже возвращение Канделаки в Берлин⁸⁸.

Очередная встреча Шахта и Канделаки состоялась только 29 апреля 1936 г., когда после длительных переговоров они подписали соглашение о товарообороте и платежах на текущий год⁸⁹. Во время последовавшей затем неофициальной беседы Шахт поинтересовался, когда Канделаки намерен перейти к переговорам о большом кредите? Могло создаться впечатление, что рейхсминистр забыл об аналогичном вопросе Канделаки, заданном ему 30 января, и своей реакции на него, однако это было, конечно, не так⁹⁰. Советские представители, принимавшие участие в беседе, проявили учтивость, ограничившись ссылкой на отсутствие заключения германской стороны по представленному списку заказов военного назначения. Рейхсминистр обещал вернуться к изучению этого вопроса и затем встретиться с торгпредом «для практических разговоров на эту тему». При этом, как отметил в записи об этой беседе Бессонов:

Шахт высказал общее соображение о том, что он и Канделаки должны были бы, в сущности, совершенно устранить элементы политики из своих разговоров, ибо они только мешают развитию “реальных дел”⁹¹.

Это замечание Шахта недвусмысленно свидетельствует о его нежелании быть даже посредником в процессе улучшения политических отношений, не говоря уже о каком-либо их лоббировании.

⁸⁶ ДВП СССР. Т. XIX. Док. 87. С. 153–161.

⁸⁷ Москва — Берлин. Т. 3. Док. 120. С. 180.

⁸⁸ С середины марта и до середины первой декады апреля торгпред находился в Москве, см.: На приеме у Сталина. С. 181, 182, 183.

⁸⁹ ДВП СССР. Т. XIX. Док. 143. С. 250–252; ADAP. Ser. C. Bd. V, 1. Dok. 302. S. 453–458.

⁹⁰ По всей видимости, о решении Кремля не вести переговоры о кредите стало известно в Берлине.

⁹¹ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 451. S. 1191.

Тем временем 4 апреля 1936 г. произошло событие, не без основания привлечшее внимание советских дипломатов⁹²: Герман Геринг (1893–1946), помимо прочих своих постов, получил новое назначение, став государственным комиссаром (уполномоченным) по вопросам сырья и валюты. Это означало определенное ослабление позиций Шахта на важных участках управления военной экономикой и появление на столь значимом для миссии Канделаки направлении нового и чрезвычайно влиятельного политического игрока. Встреча со «вторым человеком третьего рейха» не заставила себя долго ждать. 13 мая Геринг принял Канделаки и его заместителя Льва Христиановича Фридрихсона (1889–1937). Желание теснее привязать сырьевой рынок СССР к потребностям военной экономики Германии было очевидно, поэтому Геринг не только не скупился на обещания оказать помощь при возникновении трудно решаемых вопросов, но и выразил убеждение, что «пришло время налаживать дружественные отношения между Россией и Германией по всей экономической и политической линии»⁹³. По контрасту с заявлением Шахта всего за две недели до этого, можно представить, насколько Канделаки был обнадежен и, вероятно, даже воодушевлен подобными перспективами, открывающимися для самой сложной части его миссии. По оценке присутствовавшего на беседе главного референта в Рейхсминистерстве экономики Герберта Геринга (1889–1949), советские представители «были восхищены во всех отношениях обаятельным обхождением генерал-полковника»⁹⁴. Правда, встретившийся с Канделаки на следующий день Шахт несколько «охладил эмоции»⁹⁵ торгпреда и развеял иллюзии, возникшие у того, по-видимому, после встречи с Герингом. Тем не менее, спустя несколько дней Канделаки отправился в Москву для доклада руководству.

Шахт, разумеется, был прав, когда говорил, что не должно быть никаких иллюзий относительно изменений в сфере политических отношений⁹⁶. Об этом убедительно свидетельствовало

⁹² См. тематическую подборку 1-го секретаря Полпредства СССР в Германии Евгения Александровича Гнедина (1898–1983) «Вокруг назначения Геринга валютным диктатором» (АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 45. Л. 127–131).

⁹³ ADAP. Ser. C. Bd. V, 1. Dok. 341. S. 532.

⁹⁴ Ibid. S. 530.

⁹⁵ Ibid. S. 530. Anm. 1.

⁹⁶ В ходе состоявшейся 22 мая встречи фон Нейрата с Сурицем позиция Берлина на этот счет была сформулирована предельно четко. Рейхсминистр заявил, что

циркулярное письмо МИД, направленное в посольства и миссии Германии 26 мая. В нем, в частности, отмечалось, что прием Герингом в качестве особоуполномоченного по сырьевым и валютным вопросам Канделаки следует воспринимать «как акт вежливости по отношению к официальному представителю одного из наших крупных поставщиков сырья. Ему придается, как также явствует из слов г-на рейхсминистра советскому послу, в первую очередь экономическое значение»⁹⁷.

Те или иные подвиги при решении вопросов о заказах военного назначения и многообещающие заявления самого Геринга, оказывавшего в тот период определенное влияние на выработку внешнеполитических решений, особенно касающихся Восточной и Юго-Восточной Европы⁹⁸, ничего принципиально не меняли. По его же собственным словам, переданным советскому дипломату, «окончательное решение вопроса будет зависеть от Гитлера»⁹⁹.

Гитлер и курс на деполитизацию экономических отношений с СССР

Градус состояния германо-советских отношений определял исключительно Гитлер, причем не только стратегически на перспективу, но и тактически на каждом временном отрезке в зависимости от конкретных внешнеполитических задач. Очевидно, что понимание этого важнейшего фактора германской внешней политики присутствовало в Кремле, судя по имеющимся документам, явно в недостаточной мере. А посему миссия Канделаки, важнейшим компонентом которой являлось получение долгосрочного кредита с оговоренными поставками в рамках его реализации львиной доли продукции военного и двойного назначения в качестве своего рода залога улучшения политических отношений, продолжилась. Причем происходило это на фоне нарастающего ухудшения международной обстановки под влиянием начавшейся Гражданской войны в Испании. Развернувшаяся в германской печати антисоветская кампания и реакция на нее

не видит «в настоящее время предпосылок» для изменения политических отношений между Москвой и Берлином (ADAP. Ser. C. Bd. V, 1. Dok. 342. S. 533).

⁹⁷ РА АА. Moskau 212. Bl. E 672727–672728.

⁹⁸ Kube 1987: 29.

⁹⁹ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 457. S. 1203.

в советской¹⁰⁰ еще больше усугубляли атмосферу двусторонних отношений. Характеризуя их состояние, замнаркома НКВД Николай Николаевич Крестинский (1883–1938) писал Сурицу в начале августа 1936 г.:

Дальнейшим показателем враждебности по отношению к нам является бешеная кампания германской печати против нас в связи с событиями в Испании. Эта кампания тем более показательна, что ни для кого не секрет активное содействие, оказываемое Германией испанским мятежникам. Немцы, конечно, не отказываются от своих кредитных предложений и готовы были бы подписать с нами хоть сейчас кредитное соглашение на полмиллиарда и даже на миллиард марок. Но, как Вы знаете, делают они это не по политическим, а исключительно по экономическим соображениям (нужда в нашем сырье, невозможность получить его в другом месте иначе, как за отсутствующую у немцев инвалюту). Они стали настолько откровенны, что даже их официальные представители не стесняются при этом прибавлять, что заключение кредитного соглашения ни в какой мере не улучшит существующих политических взаимоотношений. Думаю, что при таких условиях мы не пойдем на возобновление кредитных переговоров¹⁰¹.

Подготовленный наркомом Розенгольцом 4 августа проект детальных инструкций Канделаки на ведение переговоров в Берлине о кредите в 500 млн рейхсмарок¹⁰² не был одобрен в Кремле. На состоявшемся спустя несколько дней совещании у Сталина, в котором, наряду с некоторыми членами Политбюро, принимали участие Крестинский, Розенгольц, Канделаки и Фридрихсон¹⁰³, была выработана новая инструкция для торгпреда. В ее первом пункте указывалось: «Сообщить представителям немецкого правительства, что время для заключения договора [о кредите] еще не созрело». Далее Канделаки предлагалось выяснить, возможно ли достижение соглашения относительно восьми объектов исключительно военного назначения

¹⁰⁰ Ibid. Bd. 2. Dok. 482. S. 1257.

¹⁰¹ ДВП СССР. Т. XIX. Док. 239. С. 390. Более чем существенно и дополнение к этому выводу, сделанное в конце письма: «Эта точка зрения моя и Максима Максимовича [Литвинова], причем она, как нам кажется, во всяком случае, в значительной степени, совпадает и с точкой зрения руководящих товарищей» (Там же).

¹⁰² Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 487. S. 1266–1267.

¹⁰³ На приеме у Сталина. С. 191.

и, «в зависимости от результатов, решить вопрос о 500-миллионном кредите»¹⁰⁴. Получив информацию об этом совещании, Литвинов весьма скептически оценил вероятность положительной реакции немцев на это предложение, принимая во внимание номенклатуру заказов¹⁰⁵ в качестве условия для заключения кредитного соглашения. По-видимому, понимал это и Канделаки, попытавшийся, как следует из письма Литвинова Сурицу, добиться пересмотра решения о кредите, не обуславливая его заключение ультимативными и явно невыполнимыми условиями¹⁰⁶. Насколько же Сталин неадекватно оценивал возможную реакцию германского руководства, что решил сделать согласие на принятие германского кредитного предложения фактически предметом торга — выполнения предварительных условий Москвы. И все это в обстановке серьезно обострившихся советско-германских отношений под влиянием как внешних факторов, так и внутривосточных¹⁰⁷, когда любые соглашения с Германией, даже не столь проблематичные, становились просто неосуществимыми.

24 августа состоялась новая встреча Канделаки и Фридрихсона с Шахтом, содержание которой известно только из отчета Канделаки, направленного Сталину, Молотову и Розенгольцу. На его основании можно сделать вывод, что эта беседа была не совсем обычной, так как в ходе нее Шахт говорил больше о политических проблемах, причем в общеевропейском ракурсе. Когда же дело наконец дошло и до торгово-экономических отношений, то на вопрос рейхсминистра о возможности их расширения, т. е. о новом кредите, советские представители, согласно полученным инструкциям, заявили: «Все разговоры беспочвенны, откуда мы не получим интересующих нас предметов» военного назначения. Шахт пообещал обсудить этот вопрос с коллегами и дать ответ в течение двух недель, но при этом

¹⁰⁴ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 489. S. 1269.

¹⁰⁵ Среди них фигурировали: самолеты различных типов, крупнокалиберная судовая артиллерия, снаряжение для подводных лодок, судовая броня для линкоров, малые и большие турбины для военных судов, а также оказание технической помощи фирмой Цейс.

¹⁰⁶ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 495. S. 1279.

¹⁰⁷ Ibid. Dok. 493. S. 1277–1278. На организованном в августе в Москве публичном процессе над фигурантами «Антивоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» неоднократно упоминалась сопричастность гестапо к деятельности обвиняемых. См. Обвинительное заключение [на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра] // Правда. 1936. 20 VIII: 23.

«просил учесть, что обстановка теперь совершенно другая», чем та, что была во время последней встречи за три месяца до этого¹⁰⁸. Создается впечатление, что все прочие высказывания Шахта являлись лишь некоей прелюдией к этим ключевым словам, которые явно свидетельствовали о возросшем значении политико-идеологической составляющей при принятии торгово-экономических решений в Берлине. И это было вполне объяснимо, так как приближался очередной съезд НСДАП в Нюрнберге, который готовился и проходил под знаком борьбы против большевизма и, соответственно, против СССР¹⁰⁹.

Очевидно, что доминирующий, насыщенный антисоветизмом внутривластный фон неизбежно должен был затронуть все стороны советско-германских отношений. Зарубежные наблюдатели даже не исключали разрыва дипломатических отношений после завершения работы Нюрнбергского партсъезда¹¹⁰. Советские дипломаты (Суриц, Литвинов) предлагали дать жесткий отпор этому беспрецедентному проявлению антисоветизма по дипломатической линии и в печати, ибо, как они считали, «пассивное и терпимое отношение к подобным выступлениям в прошлом поощрило нынешние и поощрит в будущем еще более резкие выступления»¹¹¹. Однако в Кремле это предложение не поддержали¹¹², возможно, экстраполировав указания Сталина в ходе Нюрнбергского съезда 1935 г.¹¹³ на непостоянную по масштабам антисоветскую кампанию в сентябре 1936 г.

Тем не менее даже в такой обстановке Канделаки предпринимал немалые усилия для решения поставленных перед ним задач, несмотря, судя по немецким документам, на отсутствие положительной реакции Шахта на переданный ему перечень военных заказов. Согласно информации из окружения Шахта, руководители советского Торгпредства добивались новой встречи и с Герингом для продолжения переговоров по торгово-экономическим вопросам и, получив

¹⁰⁸ СССР — Германия 1933–1941. Док. 84. С. 146–147.

¹⁰⁹ Die Ausgestaltung des Reichsparteitages 1936. Der "VB" spricht mit Reichsorganisationsleiter Dr. Ley // Völkischer Beobachter vom 23. August 1936. Münchener Ausgabe. S. 1–2.

¹¹⁰ Сообщение Гнедина в НКВД от 11 сентября 1936 г. (АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 46. Л. 43).

¹¹¹ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 521. S. 1330.

¹¹² См. письмо Крестинского Сурицу от 19.09.1936 г. (АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 68. Д. 34. Л. 147).

¹¹³ См.: Сталин и Каганович. Док. 658. С. 569. Док. 819. С. 676.

обнадеживающую информацию с германской стороны¹¹⁴, запросили мнение Москвы, которая на этот раз не дала согласия на встречу¹¹⁵.

Тем временем в рейхе произошли события, непосредственно затрагивавшие миссию Канделаки. 18 октября 1936 г. Геринг был назначен уполномоченным по осуществлению четырехлетнего плана подготовки германской экономики к войне¹¹⁶ и наделен настолько широкими правами, что фактически превращался в своего рода экономического диктатора, контролирующего подавляющую часть хозяйственной деятельности страны¹¹⁷. Принимая во внимание значение сырьевой проблемы в ходе подготовки Германии к войне, очевидно, что для Геринга налаживание торгово-экономических отношений с Советским Союзом становилось одним из приоритетов на внешнеэкономическом направлении его деятельности¹¹⁸.

Трудно установить, насколько совокупность этих обстоятельств принималась во внимание при выработке конкретных решений в Кремле. Известно только, что дипломаты обращали на него серьезное внимание. Так, Суриц, анализируя с разных сторон появление нового фактора силы на внутривосточной арене Германии, отметил необходимость оценивать новые полномочия Геринга с учетом советско-германских экономических отношений. «Поскольку инициатива оживления и усиления экономических отношений за последнее время исходила именно от Геринга и его ближайшего окружения, — констатировал полпред, — можно думать, что если у нас имеется практический интерес к германским предложениям, их продвижение сможет совершаться сейчас в Германии с большей легкостью, чем прежде»¹¹⁹. О возросшем влиянии Геринга, правда, еще без упоминания о его новом назначении, сообщил и Канделаки в письме Сталину. На основании кадровых перемещений в Рейхсминистерстве экономики, торгпред сделал далеко идущий вывод

¹¹⁴ ADAP. Ser. C. Bd. V, 2. Dok. 549. S. 918.

¹¹⁵ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 532. S. 1354.

¹¹⁶ Verordnung zur Durchführung des Vierjahresplans vom 18. Oktober 1936 // Reichsgesetzblatt 1936. Teil. I. S. 887.

¹¹⁷ Kube 1987: 156–163.

¹¹⁸ Так, в начале октября Геринг активно поддержал инициативы фирмы *Otto Wolff*, имевшей многолетний опыт работы в СССР, сообщив одному из ее совладельцев, что «желает при всех обстоятельствах вступить в деловые отношения с русскими» (Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 540. S. 1368).

¹¹⁹ Ibid. Dok. 560. S. 1408.

«о стремлении Геринга взять на себя руководство вопросами советско-германских отношений»¹²⁰.

Несмотря на эти новые моменты, открывавшие, на первый взгляд, дополнительные возможности для миссии Канделаки, отсутствие положительной реакции Шахта на переданный ему перечень военных заказов повлек за собой корректировку позиции советского руководства в отношении переговоров о новом кредите. Согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 октября 1936 г., Торгпредству в Берлине поручалось «добиться заказов по сокращенному списку военных объектов» в рамках прежнего кредита, а также осуществить ряд закупок военного назначения за наличный расчет. Одним из важнейших компонентов этого постановления являлось указание не вступать «в переговоры о большом кредите»¹²¹. Означало ли это, что в Кремле окончательно определили дальнейшее развитие событий на этом направлении советско-германских отношений или, все-таки, речь шла о попытке оказания давления на Берлин? Хотя определенно ответить на этот вопрос, не имея соответствующих рабочих документов, невозможно, но, отталкиваясь от уже сложившейся практики, есть больше оснований для предположения, что речь шла об очередном и не последнем стремлении Сталина понудить германское руководство к уступкам.

В Берлине также произошла корректировка установок, касающихся экономических отношений с СССР. 19 октября 1936 г., то есть на следующий день после получения Германом Герингом новых полномочий, состоялась продолжительная беседа заведующего Сектором Восточной Европы Карла Шнурре (1898–1990) с Гербертом Герингом¹²², представившим свое и, вероятно, прежде всего, своего высокопоставленного родственника видение перспектив развития германо-советских экономических отношений, носившее, по сути дела, директивный характер. Оно сводилось к констатации следующих основных пунктов: 1. Положение с сырьем и наращивание вооружения Германии свидетельствует о зависимости страны от поставок сырья из СССР. 2. Предпосылкой преодоления стагнации

¹²⁰ СССР — Германия 1933–1941. Док. 85. С. 148.

¹²¹ Москва — Берлин. Т. 3. Док. 144. С. 206–207.

¹²² Двоюродный брат Германа Геринга, Герберт, был назначен ответственным в Рейхсминистерстве экономики за германо-советские торгово-экономические отношения.

в экономических отношениях с Москвой должна стать их полная деполитизация. 3. Оперативное регулирование всего комплекса вопросов, касающихся этих отношений, концентрируется в одних руках — Герберта Геринга, чтобы лишить советских представителей возможности в случае тех или иных затруднений «использовать одни ведомства против других». 4. Значение деполитизации германо-советских экономических отношений необходимо сделать более понятным для представителей германской промышленности, внимание которых требуется обратить на то, что «поставки в Россию больше чем когда-либо отвечали бы германским национально-политическим интересам, поскольку только при помощи компенсационных поставок было бы возможно получить необходимое [Германии] сырье». 5. Для получения сырья, прежде всего, марганцевой руды, были положительно решены вопросы, связанные с поставками в СССР некоторых видов продукции исключительно военного назначения. В ходе обсуждения было зафиксировано единство мнений и по такому важному для последующего развития событий вопросу, как предоставление СССР кредита. Последнее было признано нецелесообразным, так как лишило бы его «стимула поставлять нам сырье» на компенсационной основе¹²³.

Что означала для дальнейшей деятельности миссии Канделаки эта позиция Берлина? Прежде всего, утрату возможности выполнить одну из важнейших задач, поставленных Сталиным перед торгпредом — путем расширения экономического сотрудничества, особенно в части, касающейся крупных поставок в СССР на основе долгосрочного кредита продукции военного назначения, выйти на политические договоренности с руководством третьего рейха. Под угрозой оказывалась и сама возможность не только расширения, но и поддержания торгово-экономических отношений на прежнем уровне, осуществлявшихся в 1930-е годы преимущественно на основе долгосрочных кредитов. В свою очередь, расчеты германской стороны на получение, прежде всего стратегического, сырья из СССР только в виде не кредитуемых компенсационных поставок явно не отличались реализмом. Гитлер осенью 1936 г. был очень далек от того, чтобы хотя бы в малейшей степени улучшить советско-германские отношения. Поэтому острая экономическая заинтересованность в СССР

¹²³ ADAP. Ser. C. Bd. V, 2. Dok. 615. S. 1037–1039.

побуждала к тому, чтобы максимально деполитизировать эти отношения, не связывая себя при этом долгосрочными обязательствами. Столь серьезное несовпадение намерений Москвы и Берлина в условиях все больше разгоравшейся Гражданской войны в Испании и связанного с ней обострения двусторонних отношений неизбежно должно было привести к стагнации и в сфере экономических связей.

Тем не менее каждая из сторон не прекращала попыток реализовать намеченные задачи, хотя и на разных направлениях. Сталин, по всей видимости, решил начать новую «контригру» с Берлином, используя в качестве давления своего рода «разменную монету» — человеческий фактор. В конце октября — первой половине ноября 1936 г. в Москве и ряде крупных городов СССР (Ленинград, Новосибирск, Харьков) прошли аресты германских подданных (23 человека)¹²⁴, обвиненных в сопричастности к деятельности некой «фашистской организации, ведшей контрреволюционную и террористическую работу»¹²⁵. Волна арестов стала принимать такие масштабы, что это не могло не вызвать обеспокоенность в Берлине. Фон Шуленбург добился приема у Молотова и заявил ему, что аресты зачастую носят провокационный характер, что в Советском Союзе никогда не было национал-социалистической организации и т. д.¹²⁶ Независимо от конкретной мотивации Сталина, инициировавшего или только санкционировавшего эту волну арестов германских подданных, их последствия не могли не приниматься во внимание в контексте общих отношений с Берлином, о чем не в последнюю очередь свидетельствовала пропагандистская аранжировка этих событий, стремившаяся всячески отрицать наличие политического контекста¹²⁷.

В возникшей ситуации в МИД Германии даже рассматривался вариант возможных ответных действий на аресты германских подданных в виде репрессалий в отношении советских граждан. Получив эту информацию, фон Шуленбург занял сдержанную позицию.

¹²⁴ Список арестованных германских подданных см.: РА АА. R 104384. Bl. 246941–246943.

¹²⁵ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 568. S. 1424.

¹²⁶ Ibid. Dok. 616. S. 1528. По информации руководства АВП РФ, запись этой беседы в архиве обнаружена не была.

¹²⁷ В опубликованной информации ТАСС, в частности, утверждалось: «Аресты не имеют ничего общего с международными политическими вопросами или со взаимоотношениями между СССР и Германией» (Преступная деятельность германских фашистов в СССР // Правда. 1936. 18 XI: 4).

Он считал, что подобная акция возможна только при наличии «убедительного и мотивированного материала, позволяющего уверенно вынести обвинительный приговор», ибо в противном случае это приведет к новой «волне арестов в отношении подданных Германии» в СССР¹²⁸. Исходя из того, что ответных действий с германской стороны не последовало, можно считать, что при решении этого вопроса мнение посла было принято во внимание. Берлин был явно не склонен идти на дальнейшее обострение ситуации, о чем, в частности, свидетельствует полученное полпредом Сурицем 9 декабря предложение о встрече с Герингом¹²⁹.

Несмотря на порой витиеватость высказываний Геринга в ходе состоявшейся 14 декабря беседы с полпредом, их смысл очевиден: для успешного развития экономических отношений необходимо их максимально деполитизировать, т. е. не выводить решение конкретных вопросов на политический уровень. Для этого нужно, прежде всего, исключить заведомо нереальные требования по номенклатуре заказов военного назначения («список Канделаки»), так как они могут парализовать весь комплекс экономических связей, уравнивая состояние экономических и политических отношений¹³⁰. Пожалуй, наиболее существенным в почти часовом монологе второго лица в третьем рейхе являлся тот факт, что он доводил сказанное до сведения не торгпреда, а полпреда, давая тем самым понять руководству СССР, от чего зависят дальнейшие экономические отношения между двумя странами.

В целом же состоявшаяся встреча, четко обозначив намерения германской стороны, свидетельствовала о том, что в Берлине не собирались не только обсуждать политические вопросы с СССР, но и фактически ограничивали возможности для решения важных торгово-экономических задач. Например, таких, как получение долгосрочного кредита и поставки некоторых видов продукции военного назначения, поскольку ни одно, ни другое не было достижимо без принятия решения на этот счет Гитлером. Дальнейшее развитие событий должно было обозначить пределы этих возможностей. Весьма

¹²⁸ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 595. S. 1488.

¹²⁹ Москва — Берлин. Т. 3. Док. 151. С. 219. Решение о принятии этого приглашения было принято в Кремле в тот же день, что свидетельствовало о том, сколь большое значение придавалось этой встрече.

¹³⁰ СССР — Германия 1933–1941. Док. 87. С. 149–151.

симптоматично и то, что, хотя Геринг и заявил о желательности улучшения также политических отношений, но в беседе с Сурицем он даже намеком не коснулся наиболее острой на тот момент проблемы, существовавшей между Берлином и Москвой, — многочисленных арестов германских подданных в СССР и намечавшегося судебного процесса над ними¹³¹. А это, как ничто другое, свидетельствовало о том, что попытка давления на руководство Германии таким способом не принесла желаемого результата.

Информируя Розенгольца о подписанном 24 декабря с Шахтом соглашения о товарном и платежном обороте на 1937 г., Канделаки сообщил также о полученном от рейхсминистра экономики приглашения на 29 декабря «для специальной беседы»¹³². К сожалению, исследователи не располагают никакими записями об этой беседе, хотя, судя по реакции на нее с советской стороны, она имела отнюдь не рядовое значение. Косвенная информация самого общего характера о ней содержится в письме Сурица Крестинскому от 27 января 1937 г. Полпред сообщал, что Шахт в ходе встречи зондировал «возможность прямых политических разговоров с нами», но, резюмировал Суриц:

Жест Шахта по нашему адресу носит пока настолько неопределенный характер, и мы так мало еще знаем о его действительном содержании, что считать этот жест показателем действительных намерений Германии переменить политику по отношению к нам — мы еще не можем¹³³.

Шахт упомянул о содержании этой беседы в одной фразе в письме фон Нейрату от 6 февраля 1937 г., обозначая свою позицию, обусловливавшую «оживление торговых отношений между Россией и Германией только в том случае, если правительство России сделает отчетливый политический жест, а, лучше всего, через своего здешнего посла заверит об отказе от любой коммунистической агитации вне России»¹³⁴. Трудно сказать, насколько точно Канделаки довел до све-

¹³¹ См.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти, 1937–1938 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: Международный фонд «Демократия», 2004. Док. 3. С. 40.

¹³² Москва — Берлин. Т. 3. Док. 151. С. 231.

¹³³ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 630. S. 1551, 1555.

¹³⁴ ADAP. Ser. C. Bd. VI, 1. Dok. 183. S. 401.

дения Москвы это заявление Шахта, принимая во внимание уже отмеченное стремление торгпреда всячески сглаживать «острые углы». Во всяком случае, на сегодняшний день документально могут быть подтверждены следующие факты, характеризующие реакцию Кремля на полученную из Берлина информацию. Не только Канделаки, но и Суриц были вызваны в Москву и 7 января 1937 г. вместе с Литвиновым в течение полутора часов были на совещании в Кремле¹³⁵. По его итогам 8 января Литвинов направил Сталину проект устного ответа Канделаки Шахту, который в тот же день был утвержден с внесенными в него поправками.

Финальный аккорд миссии Канделаки и последствия ее неудачи

На какой же «отчетливый политический жест», согласно пожеланию Шахта, шла Москва? В ответе, в частности, говорилось:

Советское правительство отнюдь не считает, что его политика должна быть направлена против интересов германского народа. Оно поэтому не прочь и теперь вступить в переговоры с германским правительством в интересах улучшения взаимоотношений и всеобщего мира. Советское правительство не отказывается и от переговоров через официальных диплом[атических] предст-[авите]лей. Оно согласно также считать конфиденциальными и не предавать огласке, как наши последние беседы, так и дальнейшие разговоры, если германское правительство настаивает на этом¹³⁶.

Если бы Берлин имел намерение достичь хотя бы *modus vivendi* с СССР в политической сфере, то подобный шаг мог бы иметь очень неплохие шансы на успех. Однако дальнейшие события в очередной раз продемонстрировали всю иллюзорность подобных расчетов. Суриц даже высказал предположение, что «вброс» Шахтом политической проблематики в переговорный процесс предоставит германским представителям «возможность уклониться от ответа по конкретным вопросам (список)»¹³⁷. И он был очень близок к истине.

¹³⁵ На приеме у Сталина. С. 197.

¹³⁶ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 620. S. 1534.

¹³⁷ Имеется в виду перечень заказов военного назначения, переданный Шахту, а также затем Герингу, «список Канделаки».

Согласно отчету Канделаки о беседе с Шахтом спустя месяц, 29 января, во время которой торгпред сделал упомянутое выше заявление, рейхсминистр заметил, что «намечающиеся политические переговоры он считает единственно правильным выходом из теперешнего положения», а «экономический вопрос будет предметом нашего обсуждения, когда атмосфера будет очищена»¹³⁸. Эти высказывания Шахта в изложении Канделаки были, пожалуй, тем единственным, что в какой-то степени сближало сообщения обоих собеседников. Согласно Шахту, выслушав зачитанный торгпредом текст «устного ответа», он заметил, что, хотя тот представляет несомненный интерес, но, как ему уже приходилось говорить ранее, подобного рода заявления должны адресоваться полпредом непосредственно МИД¹³⁹. В то время как в отчете Канделаки о беседе с рейхсминистром было представлено нечто совсем другое, чуть ли не «дорожная карта» будущих переговоров с участием фон Нейрата и Сурица, посредничество в организации которых брал на себя Шахт¹⁴⁰. Несмотря на явное стремление Канделаки преувеличить результаты, особенно касавшиеся политической стороны его миссии, в данном случае есть немало оснований больше доверять его отчету, а не описанию этой беседы Шахтом, который сообщил о ней фон Нейрату только 6 февраля. И вот, почему.

На следующий день после беседы Шахта с Канделаки, 30 января, Гитлер, выступая с пространной речью на заседании рейхстага, в частности, заявил:

Я не хотел бы оставить никакого сомнения в том, что мы усматриваем в большевизме невыносимую для всего мира опасность <...>, мы избегаем любых тесных отношений с носителями этих ядовитых бактерий, и мы в особенности не хотим затуманивать голову немецкому народу по поводу этой опасности тем, что мы сами устанавливаем более тесные связи, выходящие за рамки необходимых государственных или экономических отношений. <...> Впрочем, любые новые немецкие договорные связи с нынешней большевистской Россией были бы для нас совершенно бесполезными¹⁴¹.

Речь Гитлера получила резонанс как в официальных, так и неофициальных кругах, с которыми контактировали советские

¹³⁸ Москва — Берлин. Т. 3. Док. 154. С. 233.

¹³⁹ ADAP. Ser. C. Bd. VI, 1. Dok. 183. S. 402.

¹⁴⁰ См. сн. 138.

¹⁴¹ *Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Bd. I, 2. S. 671–672.*

дипломаты¹⁴². Поэтому, даже если допустить, что Шахт, будучи, несомненно, заинтересован в расширении торгово-экономических связей с СССР, был готов поспособствовать ослаблению политической напряженности, он все же поменял местами приоритеты, поставив решение экономических проблем в зависимость от решения политических. Однако после процитированных слов Гитлера было уже невозможно в подобном ракурсе представлять свою позицию в беседе с советским дипломатом.

На этом фактически следовало бы поставить крест не только на политической стороне миссии Канделаки, но и на продолжении переговоров о крупном долгосрочном кредите. Однако в Москве еще на что-то рассчитывали, в частности, Литвинов 4 февраля писал Сталину, что

[И]нициатива каких-либо предложений должна быть предоставлена германской стороне, которой должно быть разъяснено, что поскольку ухудшение советско-германских отношений имело место по решению германского правительства, мы ожидаем от него теперь соображений о том, как и в каких пределах эти отношения могут быть улучшены, тем более что Гитлер еще на днях заявил публично, что пределом этих отношений являются «необходимые государственные отношения»¹⁴³.

И Сталин, судя по его пометке на записке наркома¹⁴⁴, полностью согласился с такой оценкой, по всей видимости, полагая, что реальные экономические интересы будут в итоге превалировать над публичными высказываниями главы государства.

Однако ответ фон Нейрата на информацию Шахта явился наглядным подтверждением того, что заявление Гитлера не было лишь очередным упражнением в риторике. В ходе доклада рейхсканцлеру 10 февраля фон Нейрат информировал его о встречах Шахта с советским торгпредом, акцентировав внимание

¹⁴² Как отмечал Суриц в письме Крестинскому 12 февраля, суммируя свои впечатления за последние две недели: «И первое, что бросается в глаза, это еще большая, чем прежде, отчужденность со стороны немцев, подчас граничащая с бойкотом. Люди “из общества”, не принадлежащие к официальному кругу, явно боятся около нас даже задерживаться; чиновничьи круги сухо официальны» (Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 644. S. 1591).

¹⁴³ СССР — Германия 1933–1941. Док. 88. С. 152.

¹⁴⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 126. Д. 1. Л. 21.

на последнем заявлении Канделаки от имени Сталина и Молотова. Реакция Гитлера была вполне предсказуема. Он сказал рейхсминистру иностранных дел, что не видит смысла в переговорах с советским правительством, поскольку «они не смогут привести ни к какому результату и, скорее всего, были бы использованы русскими для достижения желаемой цели более тесного военного союза с Францией и при возможности также еще дальнейшего сближения с Англией»¹⁴⁵. Гитлер ошибся в оценке намерений противной стороны, однако в данной конкретной ситуации это не имело значения, так как фюрер не нуждался в каком-либо урегулировании отношений с СССР, состояние которых совершенно не зависело от тех или иных предложений Москвы.

Вся эта коллизия развивалась на фоне уже упомянутых арестов германских подданных, обвинявшихся в «террористической, диверсионной и шпионской деятельности», якобы осуществлявшейся по заданиям гестапо на территории СССР¹⁴⁶. Эти аресты стали частью новой волны массового террора, материализацией постулата высшего партийно-государственного руководства, что «пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств»¹⁴⁷. Видя, что Берлин ограничивается дипломатическими представлениями по этому поводу, не имея возможности ответить тем же¹⁴⁸, в Кремле было решено пойти дальше, поставив перед Посольством Германии вопрос об отзыве из СССР двух германских дипломатов (военного атташе генерала Эрнста-Августа Кёстринга (1876–1953) и пресс-атташе Посольства Вильгельма Баума (1885–1942))¹⁴⁹, фигурировавших в показаниях подсудимых на так называемом Процессе антисоветского троцкистского центра в Москве в январе 1937 г.¹⁵⁰

¹⁴⁵ ADAP. Ser. C. Bd. VI, 1. Dok. 195. S. 426.

¹⁴⁶ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 645. S. 1592–1596.

¹⁴⁷ *Сталин И.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. [М.]: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 11.

¹⁴⁸ ADAP. Ser. C. Bd. VI, 1. Dok. 173. S. 385.

¹⁴⁹ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 650, 657, 664.

¹⁵⁰ См.: Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 23–30 января 1937 года. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. С. 58, 64.

Закономерен вопрос, чем объяснить столь не сочетаемые между собой действия Сталина — с одной стороны, стремление к политическому урегулированию с Германией и грубое давление на Германское посольство в Москве с использованием показаний обвиняемых на фальсифицированном судебном процессе, которое могло только обострить советско-германские отношения, с другой? Создается впечатление, что Сталин рассматривал подобный шаг как еще одну попытку давления на Германию, превращая ее дипломатов в своего рода «заложников», угроза высылки которых должна была бы вынудить Берлин к вступлению в переговоры, неизбежно затрагивающие также политические отношения. Но он просчитался. Натолкнувшись на жесткие заявления посла фон Шуленбурга¹⁵¹, в Кремле пришлось довольно быстро «забыть» о своем первоначальном требовании отозвать генерала Кёстринга¹⁵², и лишь ради «сохранения лица» в сложившейся ситуации настаивать на отъезде пресс-атташе Баума¹⁵³.

Несомненно, что эта провокация с германскими дипломатами практически не оставляла шансов на сколько-нибудь позитивную реакцию Берлина на советские предложения, даже в том случае, если бы такие намерения у германского руководства были. Поступавшие в Москву сигналы поколебали уверенность и в возможности вернуться к вопросу предоставления большого кредита¹⁵⁴, а это, в свою очередь, создавало угрозу самому ведению переговоров, сужающему экономические отношения до уровня резко сократившихся в объеме ежегодных соглашений о товарообороте. Тем временем в Берлине не торопились дать ответ на советские предложения, которого ожидали с нетерпением на разных институциональных уровнях не только

¹⁵¹ ADAP. Ser. C. Bd. VI, 1. Dok. 213, 218, 221.

¹⁵² Ibid. Dok. 253. S. 543–544.

¹⁵³ Подробнее см.: Слuch 2009: 104–106.

¹⁵⁴ В информационном письме МИД от 6.01.1937 г., направленном германским дипломатическим учреждениям в СССР, в частности, опровергались сообщения зарубежной печати о возобновившихся переговорах, связанных с предоставлением Москве крупного кредита: «О подобном кредите при настоящем положении дел не могло быть и речи. Мы в данный момент более заинтересованы во ввозе сырья из Советского Союза, чем в крупных германских поставках в Советский Союз» (ADAP. Ser. C. Bd. VI, 1. Dok. 129. S. 267). Перевод этого документа, полученного оперативным путем, был направлен 25.02.1937 г. начальником Разведывательного управления РККА Семён Петровичем Урицким (1895–1938) наркому обороны СССР Клименту Ефремовичу Ворошилову (1881–1969) (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1036. Л. 132–134).

в Торгпредстве и Полпредстве, но и в Москве. О чем, не в последнюю очередь, свидетельствует интенсивность обмена телеграфными сообщениями, касавшимися этого вопроса.

Примерно в конце второй декады февраля Суриц сообщил Литвинову:

Прошло уже больше трех недель с тех пор, как Канделаки передал Шахту московский ответ. Шахт тогда обещал вызвать его и меня через пару дней. Если бы дела совсем сорвались, Шахт мог бы вызвать Канделаки и сказать, что нужно отложить разговор, по-видимому, никаких решений они не приняли¹⁵⁵.

Предположение авторов документальной публикации Н. А. Абрамова и Л. А. Безыменского, что «нервы у Канделаки не выдержали, и он совершил поспешный шаг, попытавшись действовать через Герберта Геринга», которого ознакомил с «московским ответом» Шахту¹⁵⁶, вызывает сомнения. Телеграфируя Литвинову 23 февраля об этом шаге торгпреда, Суриц не дал его действиям никакой оценки, полагая, что они ничего не меняют, так как о советском ответе, несомненно, уже давно информировано высшее руководство Германии. Что же касается мотивации этого поступка Канделаки, то подтвердить или опровергнуть высказанное предположение на сегодняшний день не представляется возможным из-за недоступности исследователям переписки Канделаки с Москвой между концом января и серединой марта 1937 г.

Только 16 марта Геринг пригласил к себе Канделаки, чтобы уведомить его о реакции Берлина на советские предложения:

После длительного обсуждения и изучения Вашего ответа, переданного Вами 29 января с. г. Шахту, немецкая сторона пришла к следующему выводу: в Вашем ответе Шахту не содержится конкретных предложений для обсуждения. Но главное заключается в том, что немецкая сторона не видит в настоящее время различия между советским правительством и Коминтерном. Вследствие этого немецкая сторона не считает целесообразным продолжать переговоры, ибо не видит для них базы¹⁵⁷.

¹⁵⁵ Цит по: Особая миссия Давида Канделаки. С. 152. К сожалению, в публикации не указана точная дата этого сообщения.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ СССР — Германия 1933–1941. Док. 89. С. 153.

Этим официальным ответом-заявлением германская сторона поставила последнюю точку в деятельности миссии Канделаки, завершившейся явной неудачей. И вины Канделаки в этом не было. Будучи наделен широкими полномочиями и, самое главное, облеченный личным доверием Сталина, торгпред с помощью своего заместителя Фридрихсона вполне успешно справлялся с решением ряда конкретных задач, когда они не выходили за рамки торгово-экономических отношений. Правда, завышенное представление о своих возможностях¹⁵⁸, подпитываемое Сталиным, определенно мешало ему, вынуждая порой в оценках выдавать желаемое за действительное, дабы придать большую значимость своей деятельности. Но отнюдь не это предопределило неудачу миссии Канделаки, она изначально была обречена на провал, принимая во внимание поставленные перед ней ее инициатором и куратором основные задачи. Именно Сталин, фактически пренебрегая мнением как Литвинова, так и дипломатов в Берлине, считавших, в частности, что «Гитлер и его ближайшее окружение крепко утвердились в убеждении, что только на путях выдержанного до конца антисоветского курса ретий рейх сможет осуществить свои задачи и обрести союзниками и друзьями»¹⁵⁹, всячески поддерживал миссию Канделаки. Сталин, по-видимому, никак не мог понять, что решение о тех или иных подвижках в советско-германских отношениях принимаются не в ходе двусторонних переговоров и тем более не по желанию Москвы, а исключительно Гитлером, который руководствовался совсем иными представлениями об их целесообразности, чем это было присуще хозяину Кремля.

Даже тогда, когда официальный Берлин предельно четко заявил об отсутствии желания продолжать какие-либо переговоры, Сталин, получив это известие, не желал признавать своего поражения. Он пытался сделать вид, что не только ничего не произошло, но и что Кремль весьма удовлетворен миссией Канделаки. Одно из свидетельств тому — составленная Сталиным телеграмма следующего содержания:

Берлин. Канделаки. ЦК принял решение о переводе тов. Сурица на пост полпреда в Париж. ЦК считает Вас наиболее подходящим кандидатом на пост полпреда в Германии. Уверены, что Вы могли

¹⁵⁸ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 495. S. 1279.

¹⁵⁹ ДВП СССР. Т. XVIII. Док. 424. С. 569.

бы хорошо справиться с этой новой задачей. Надеемся на Ваше согласие. Сталин, Молотов¹⁶⁰.

Правда, эта телеграмма так и не была отправлена¹⁶¹, а сам Канделаки отозван в Москву, получил новое назначение и, после непродолжительного пребывания на посту замнаркома внешней торговли, арестован и расстрелян¹⁶².

Тем временем в Берлине решили извлечь максимум политических дивидендов из потерпевшей фиаско миссии Канделаки. В этих целях сначала было организовано распространение слухов о советско-германских неофициальных контактах, которые-де должны повлечь за собой «не только улучшение, но и коренное изменение советско-германских отношений». Затем последовало их резкое опровержение в немецкой прессе, что не могло не вызвать повышенного интереса к этому вопросу со стороны дипкорпуса¹⁶³. В дипломатических кругах Берлина высказывались предположения, «что уже начались соответствующие переговоры, которые с советской стороны держатся в строгой тайне», в связи с чем, как отмечал Суриц, «некоторые участники французской системы проявляют определенное беспокойство»¹⁶⁴. Этого, собственно, и добивались в Берлине, никогда не упуская возможность посеять недоверие между СССР и другими государствами. Ради «сохранения лица» Литвинов направил советским дипломатам указание заверить французский и чехословацкий МИД в том, что «циркулирующие за границей слухи о нашем сближении с Германией лишены каких бы то ни было оснований. Мы не веди и не ведем на эту тему никаких переговоров с немцами»¹⁶⁵.

Попытки некоторых историков представить миссию Канделаки как ориентированную Сталиным лишь на зондаж «нормализации

¹⁶⁰ Текст телеграммы был составлен 19.03.1937 г. в 21 час. 10 мин. (Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 673. S. 1643).

¹⁶¹ Ibid.

¹⁶² Канделаки был арестован 11 сентября 1937 г. Обвиненный в причастности к «контрреволюционной террористической организации» и на основании утвержденного Сталиным списка лиц, в котором Канделаки фигурировал под № 52 (Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Док. 331. С. 542), 29 июля 1938 г. был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

¹⁶³ ДВП СССР. Т. XX. Док. 98. С. 164.

¹⁶⁴ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 687. S. 1680–1682.

¹⁶⁵ ДВП СССР. Т. XX. Док. 110. С. 174.

советско-германских экономических отношений»¹⁶⁶ или на обеспечение, прежде всего, важных поставок военного назначения¹⁶⁷, а не желанием в целом улучшить отношения с Германией, которое якобы «играло подчиненную роль»¹⁶⁸, не подтверждается документами. В этих работах не только недооценивается роль политической составляющей миссии Канделаки, нашедшей отражение как в немецких, так и в советских документах, но и совершенно не рассматриваются причины ее неудачи, имевшие исключительно политическую подоплеку и не менее существенные политические последствия.

Неудача миссии Канделаки явилась одной из причин того, что советско-германские отношения вступили в период затяжного ступора, причем на всех направлениях, вплоть до конца 1938 г. Переход Германии к форсированной подготовке к войне и начало реализации крупномасштабных военных программ¹⁶⁹ потребовали значительных объемов поставок советского сырья, отсутствие которого стало ощущаться в такой степени, что буквально заставило заинтересованные инстанции вернуться к обсуждению вопроса о предоставлении СССР крупного кредита¹⁷⁰. При этом в очередной раз военно-экономические потребности Германии вошли в противоречие с доминирующими политико-идеологическими установками нацистского руководства. В свою очередь, обретенный опыт в попытке достижения политического урегулирования с Германией в ходе миссии Канделаки не был предан забвению в Кремле и, будучи скорректирован с учетом допущенных просчетов, уже в другой международной обстановке привел к давно желаемому Сталиным результату. Правда, произошло это только тогда, когда Гитлер, исходя из военно-политических и экономических соображений, счел необходимым пойти на соглашение с СССР.

¹⁶⁶ Шубин 2016: 259.

¹⁶⁷ Безыменский назвал в качестве «основного замысла Сталина: добиться германской помощи оборонной промышленности СССР», а неосновного — «каким-то образом нейтрализовать появление Гитлера на европейской арене» (Безыменский 2000: 99, 111).

¹⁶⁸ Богданов, Васильева, Гаврилов 2017: 68; Кудряшов 2019: XII.

¹⁶⁹ Dokumente und Dokumentarfotos zur Geschichte der deutschen Luftwaffe. Aus den Geheimakten des Reichswehrministeriums 1919–1933 und des Reichsluftfahrtministeriums 1933–1939 / hrsg. von K.-H. Völker. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1968. Dok. 89. S. 211–212; Dülffer 1973: 494–499.

¹⁷⁰ ADAP. Ser. D. Bd. IV. Dok. 479. S. 534.

Список сокращений

- АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва
 ДВП СССР — Документы внешней политики СССР
 НКВТ — Народный комиссариат внешней торговли
 НКВД — Народный комиссариат по иностранным делам
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва
 РГАЭ — Российский государственный архив экономики, Москва
 РГВА — Российский государственный военный архив, Москва
 ADAP — Akten zur deutschen auswärtigen Politik
 PA AA — Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Berlin

Литература

- Безыменский 2000 — *Безыменский Л. А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000. 512 с.
- Богданов, Васильева, Гаврилов 2017 — *Богданов В. Н., Васильева Н. В., Гаврилов В. А.* От Версаля до «Барбароссы». Великое противостояние держав. 1920-е — начало 1940-х гг. М.: Алгоритм, 2017. 686 с.
- Кудряшов 2019 — *Кудряшов С.* Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 годах // СССР — Германия 1932–1941. Издание дополненное и расширенное / глав. ред. С. Кудряшов. М.: ИстЛит, 2019. С. I–LI. (Вестник Архива Президента Российской Федерации).
- Наринский 2003 — *Наринский М. М.* Миссия Д. Канделаки в Берлине и советско-германские отношения (1935–1937 гг.) // 200 лет МИД России. Третьи Горчаковские чтения (Москва, 25 апреля 2002 г.). Материалы и доклады. М.: б/и, 2003. С. 174–187.
- Случ 2009 — *Случ С. З.* Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Сталин и немцы: Новые исследования / под ред. Ю. Царуского. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 82–122.
- Шубин 2016 — *Шубин А. В.* Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис 1933–1940 гг. М.: Алгоритм, 2016. 496 с.
- Besymenski 1992 — *Besymenski L.* Geheimmission in Stalins Auftrag? David Kandelaki und die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der dreißiger Jahre // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1992. Н. 3. S. 339–357.
- Düllfer 1973 — *Düllfer J.* Weimar, Hitler und die Marine: Reichspolitik und Flottenbau 1920–1939. Düsseldorf: Droste Verlag, 1973. 615 S.
- Ericson 1999 — *Ericson E. E.* Feeding the German eagle: Soviet economic aid to Nazi Germany, 1933–1941. Westport (CT): Praeger, 1999. 280 p.
- Kube 1987 — *Kube A.* Pour le mérite und Hakenkreuz: Hermann Göring im Dritten Reich. München: De Gruyter Oldenbourg, 1987. 420 S.

- McMurry 1979 — *McMurry D.S.* Deutschland und die Sowjetunion 1933–1936: Ideologie, Machtpolitik und Wirtschaftsbeziehungen. Köln; Wien: Böhlau, 1979. 502 p.
- Messerschmidt 1979 — *Messerschmidt M.* Aussenpolitik und Kriegsvorbereitung // *Deist W., Messerschmidt M., Volkman H.-E., Wette W.* Ursachen und Voraussetzungen der deutschen Kriegspolitik. Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt. 1979. S. 535–701 (Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1).
- Mund 2006 — *Mund G.* Ostasien im Spiegel der deutschen Diplomatie: Die privatdienstliche Korrespondenz des Diplomaten Herbert v. Dirksen von 1933 bis 1938. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006. 343 S.
- Müller 1984 — *Müller R.-D.* Das Tor zur Weltmacht: Die Bedeutung der Sowjetunion für die deutsche Wirtschafts- und Rüstungspolitik zwischen den Weltkriegen. Boppard a. Rhein: Harald Boldt Verlag, 1984. 403 S.
- Perrey 1985 — *Perrey H.-J.* Der Rußlandauschuß der Deutschen Wirtschaft: Die deutsch-sowjetischen Wirtschaftsbeziehungen der Zwischenkriegszeit. Ein Beitrag zur Geschichte des Ost-West-Handels. München: Oldenbourg, 1985. 422 S.
- Roberts 1994 — *Roberts G.* Soviet bid for coexistence with Nazi Germany, 1935–1937: The Kandelaki Affair // *The International History Review*. 1994. Vol. 16. Nr. 3. P. 466–490.
- Schwendemann 1993 — *Schwendemann H.* Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm? Berlin: Wiley-VCH Verlag, 1993. 398 S.
- Wolz 2015 — *Wolz A.* Das Auswärtige Amt und die deutsche Entscheidung zur Remilitarisierung des Rheinlands // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 2015. Bd. 63. H. 4. S. 487–512.

Reference

- Besymenski [= Bezymenski], L., 1992. Geheimmission in Stalins Auftrag? David Kandelaki und die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der dreißiger Jahre. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 40, 3, pp. 339–357.
- Bezymenskii, L. A., 2000. *Gitler i Stalin pered shvatkoi* [Hitler and Stalin before the fight]. Moscow: Veche, 512 p. (in Rus.)
- Bogdanov, V.N., Vasil'eva, N. V., Gavrilov, V. A., 2017. *Ot Versalia do "Barbarossy". Velikoe protivostoianie derzhav. 1920-e — nachalo 1940-kh gg.* [From Versailles to the Barbarossa. The great confrontation of powers, from the 1920s to the early 1940s]. Moscow: Algoritm, 686 p. (in Rus.)
- Dülffer, J., 1973. *Weimar, Hitler und die Marine: Reichspolitik und Flottenbau 1920–1939*. Düsseldorf: Droste Verlag, 615 p.
- Ericson, E. E., 1999. *Feeding the German eagle: Soviet economic aid to Nazi Germany, 1933–1941*. Westport (CT): Praeger, 280 p.
- Kube, A., 1987. *Pour le mérite und Hakenkreuz: Hermann Göring im Dritten Reich*. München: De Gruyter Oldenbourg, 420 p.

- Kudriashov, S., 2019. Sovetskii Soiuz, Stalin i Germaniia v 1933–1941 godakh [The Soviet Union, Stalin and Germany in 1933–1941]. In: Kudriashov, S., ed. *SSSR – Germaniia 1932–1941. Izdanie dopolnennoe i rasshirennoe* [The USSR – Germany 1932–1941]. Moscow: IstLit, pp. I–LI. (Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiiskoi Federatsii). (in Rus.)
- McMurry, D. S., 1979. *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1936: Ideologie, Machtpolitik und Wirtschaftsbeziehungen*. Köln; Wien: Böhlau, 502 p.
- Messerschmidt, M., 1979. Aussenpolitik und Kriegsvorbereitung. In: Deist, W., Messerschmidt, M., Volkmann, H.-E., Wette, W. *Ursachen und Voraussetzungen der deutschen Kriegspolitik*. Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt, pp. 535–701 (Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, 1).
- Müller, R.-D., 1984. *Das Tor zur Weltmacht: Die Bedeutung der Sowjetunion für die deutsche Wirtschafts- und Rüstungspolitik zwischen den Weltkriegen*. Boppard a. Rhein: Harald Boldt Verlag, 403 p.
- Mund, G., 2006. *Ostasien im Spiegel der deutschen Diplomatie: Die privatdienstliche Korrespondenz des Diplomaten Herbert v. Dirksen von 1933 bis 1938*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 343 p.
- Narinskii, M. M., 2003. Missiia D. Kandelaki v Berline i sovetsko-germanskie otnosheniia (1935–1937 gg.) [D. Kandelaki's mission in Berlin and the Soviet-German relations (1935–1937)]. In: *200 let MID Rossii. Tret'i Gorchakovskie chteniia (Moskva, 25 apreliia 2002 g.). Materialy i doklady* [200 years of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. The 3rd Gorchakov Readings]. Moscow: s. n., pp. 174–187. (in Rus.)
- Perrey, H.-J., 1985. *Der Rußlandauschuß der Deutschen Wirtschaft: Die deutsch-sowjetischen Wirtschaftsbeziehungen der Zwischenkriegszeit. Ein Beitrag zur Geschichte des Ost-West-Handels*. München, 422 p.
- Roberts, G., 1994. Soviet bid for coexistence with Nazi Germany, 1935–1937: The Kandelaki affair. *The International History Review*, 16, 3, pp. 466–490.
- Schwendemann, H., 1993. *Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm?* Berlin: Wiley-VCH Verlag, pp. 398.
- Shubin, A. V., 2016. *Mir na puti k voine. SSSR i mirovoi krizis 1933–1940 gg.* [The world on the way to the war. The USSR and the world crisis of 1933–1940]. Moscow: Algoritm, 496 p. (in Rus.)
- Sluch, S. Z., 2009 — Stalin i Gitler, 1933–1941: raschety i proshchety Kremliia [Stalin and Hitler, 1933–1941: the Kremlin's calculations and miscalculations]. In: Tsaruski, J., ed. *Stalin i nemtsy: Novye issledovaniia* [Stalin and the Germans: new research]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), pp. 82–122. (in Rus.)
- Wolz, A., 2015. Das Auswärtige Amt und die deutsche Entscheidung zur Remilitarisierung des Rheinlands. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 63, 4, pp. 487–512.

Sergey Z. Sluch

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A, Moscow.
E-mail: sergejslutsch@gmail.com

Some Aspects of Soviet-German Economic Relations and David Kandelaki's Mission (1935–1937): Towards the Question of Correlation Between Politics and Economy

In the middle of the 1930s, Stalin decided to intensify trade and economic relations with Germany in order to obtain long-term loans to finance mainly supplies of military and dual-use products. At the same time, the Nazi regime, despite its anti-Soviet foreign policy, was interested in establishing stable economic ties with Moscow, as it was experiencing an increasing dependence of the German economy on supplies of strategic raw materials from the USSR. The combination of these factors predetermined the Kremlin's decision to entrust the Trade Representative in Germany David V. Kandelaki with a special mission, which was not limited to solving economic problems, but also included the creation of an atmosphere of trust, which is so crucial for negotiations on the supply of sensitive military products. At the same time, long-term loans would be a significant guarantee of the sustainability of such relations. According to Stalin's plan, all this was to be a preparatory stage for political negotiations with the German leadership. Actively contributing to the implementation of the five-year loan granted to the USSR in 1935, Kandelaki achieved serious concessions from the German side, including the agreement to supply some military products previously prohibited to export to the USSR. However, all the attempts by the Trade Representative to ensure the solution of the political problem, conditioning further expansion of economic relations with Berlin's consent to negotiations on a political settlement, led to nothing. The reason for this was the unrealistic tasks set by Stalin, ignoring the "Hitler factor" and his political and ideological attitudes that determined the nature of German-Soviet relations.

Keywords: USSR, Germany, Stalin, Hitler, Maxim M. Litvinov, David V. Kandelaki, Hjalmar Schacht, politics, economy, antagonistic goals, symbiosis of interests

Received: 19 January 2024

Accepted: 25 March 2024

How to cite: Sluch, S. Z., 2024. Nekotorye aspekty sovetsko-germanskikh ekonomicheskikh otnoshenii i missiia D. V. Kandelaki (1935–1937 gg.): k voprosu o sootnoshenii politiki i ekonomiki. *Central-European Studies*, 7, pp. 215–264. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.7>.